

A woman with long, flowing red hair is seen from the back, looking out from a dark cave opening. She is wearing a white, off-the-shoulder, floor-length dress that is blowing in the wind. The scene is set against a bright, hazy blue sky with a glowing light source, possibly the sun, visible through the cave's arch. The cave's interior is dark and rocky.

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
ПО ТУ СТОРОНУ МЕЧТЫ

Литрес

Юлия Цыпленкова
Солнечный луч. По
ту сторону мечты
Серия «Солнечный луч», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69281311
SelfPub; 2023*

Аннотация

У человека нет власти предугадать свою судьбу. И когда дорога кажется прямой, кто-то свыше меняет ее направление. Остается лишь послушно шагнуть за поворот и узнать, что уготовили боги – тупик или продолжение пути. Но как быть, если не помнишь, что осталось позади? Даже имя, данное при рождении, исчезло за пеленой, скрывшей сознание. Без прошлого не может быть будущего, и тогда это... тупик? Или же возможность начать всё заново. За спиной непроглядный мрак, а впереди белое поле, и если стоять на месте, то оно никогда не покроется следами. И значит, надо найти в себе силы и проложить первую дорожку, иначе не узнать, что скрыто по ту сторону...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	97
Глава 7	122
Глава 8	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. По ту сторону мечты

Глава 1

Холодно. Странно... Темно, холодно и странно. Еще тесно. Возможно, я умерла... Тогда нет ничего странного, потому что смерть – это холод. А тесно, потому что я в саркофаге, только почему-то узком. Хм... Что такое саркофаг, и откуда я знаю это слово? Хотя красиво, конечно, – саркофаг. Сильное слово, внушительное. Слово внушительное, но тесное, давит на плечи. Неприятно. Неприятно и даже больно. Хм...

Нет, все-таки странно. Если я умерла, то почему мне холодно, тесно и больно? Кажется, мертвецы ничего не чувствуют. Или чувствуют? С чего я вообще взяла, что знаю что-то о мертвецах? Ну, хотя бы с того, что я, наверное, умерла и теперь тоже мертвец. Но если это так, то живые – лжецы. Они ничего не знают о нас, мертвецах, однако смеют толковать о тех, кто умер, и верят, что это истина. И я была живой, и верила... Стоп!

А кто я? Что я такое? Человек или зверь? И есть ли у меня имя? Может, кличка? Может, я собака, и меня сунули в

узкий ящик, когда я сдохла? Нет, я все-таки человек. Отчего-то я это точно знаю. Я человек, и я женщина. Да, я человек-женщина. Наверное, старая, раз умерла...

– Жалко...

Стоп! Это ведь я сказала, да?

– Жал-ко...

Чего жалко? Того, что я умерла, или что меня положили в узкий саркофаг?

– Странно... – и голос хриплый, совсем тихий, но, кажется, живой.

Я открыла глаза и уставилась на каменный потолок. Все-таки я ошиблась. Здесь не темно, сумрачно, но не темно. Я даже вижу черные линии, будто нарисованные сажей, на каменном потолке. Осторожно повернула голову. Нет, саркофага точно нет, есть большие камни, между которыми я застряла. Они давят на плечи. Вроде там уже ссадины... Нужно сесть.

Тело слушалось плохо. Оно задеревенело от холода и неподвижности. Наверное, я долго здесь лежу, раз всё занемело. Нужно заставить его слушаться, или я умру на самом деле. И выбираться отсюда.

– Кстати, – срывающимся хрипящим голосом произнесла я, чтобы разрушить тишину. – А где я? И... кто я?

Неожиданно пришла мысль, что в пещере может находиться еще кто-то. Возможно, кто-то опасный и голодный. Эта мысль показалась здоровой, но исчезла под натиском сле-

дующей, казавшейся более важной и весомой – я вообще ничего... не помню? Я нахмурилась, но в голове была пустота. Все-таки не помню. Похоже, что так.

– Ай!

Неожиданно ослепила боль в правой ноге. Я с криком дернулась и все-таки вырвалась из каменных тисков, содрав кожу на обнаженных плечах. Мир пошатнулся, подернулся красноватой дымкой, но она рассеялась от новой вспышки боли. Я дернула ногой и воззрилась на зверька. Мучительно поморщилась, и в голове всплыло одно слово – крыса.

– Ты не крыса, – не очень уверенно прохрипела я.

Зверек обнажил тонкие острые зубы в оскале, зашипел и отскочил в сторону. Нет, точно не крыса. То, что вдруг явилось внутреннему взору, выглядело похоже, но все-таки иначе. Этот зверь был величиной... с собаку, да. С маленькую собаку. Его шерсть была длинной и густой, словно покрытой налетом инея. Короткий лысый хвост, нервно дергался по каменному полу... Пещеры? Похоже на то.

Я устремила взгляд вперед, туда, откуда лился свет. Зверек, решив, что я забыла о нем, снова подскочил, постукивая коготками о камни, и отлетел с возмущенным визгом, когда я пнула его. В конце концов, я не приглашала его на ужин, и ногу свою не обещала, как главное блюдо. Поток сознания удивил. Я его понимала, даже представляла, о чем думала. Только вот на этом мои воспоминания и закончились.

– Так нечестно, – просипела я, и зверек, жалобно скулив-

ший за камнем, снова зашипел.

Но на него я не обратила внимания, потому что терпеть холод было уже невозможно. Меня колотило крупной дрожью. Зубы выбивали дробь, и мысль, что если я сейчас не начну двигаться, то замерзну насмерть, заставила кинуть тело вперед, и встать на четвереньки. Занемевшие колени даже не почувствовали неровности каменного пола, и то, что ободрала их и ладони, я поняла только тогда, когда попыталась встать на ноги, но завалилась на бок и посмотрела вниз.

– Встану, – пообещала я сама себе.

Зверек выглянул из-за камня. Теперь он не спешил нападать на меня, только смотрел своими красными глазками, скалился и шипел. Мазнув по нему взглядом, я снова села. Уцепилась пальцами за валун и повторила попытку.

– Встану, – упрямо твердила я, вновь и вновь падая на пол.

От обиды и вернувшейся боли в ободранном теле, я расплакалась. Горячие слезы обожгли заледенелые щеки, и я зло стерла их тыльной стороной ладони, размазав по лицу кровь.

– Встану! – выкрикнула я, и зверек юркнул под укрытие камней.

Эхо прокатилось по пещере и унеслось куда-то в темноту позади меня. Тут же вернулась мысль о том, что здесь может обитать кто-то поопасней пушистого красноглазого шарика, напоминавшего крысу. Страх, паника и упрямое желание выбраться из ловушки всё же сделали свое дело, и я вдруг осознала, что стою на ногах. Закусив до крови губу,

я сделала первый шаг. Затем второй. Это оказалось непростым. Меня мотало из стороны в сторону, пол уходил из-под ног, перед глазами вновь появилась уже знакомая пелена, но я заставила себя идти. Что бы ни ждало впереди, я хотела вырваться из ледяного каменного мешка.

Брела, продолжая шататься, несмотря на то, что оперлась рукой на стену пещеры, а когда вышла к небольшому округлому выходу, зажмурилась, потому что по глазам ударила ослепительная белизна. Налетевший ветер, бросил в лицо снежную пыль.

– К-к-к-как-к ж-же х-х-хол-лод-д-дно, – выдохнула я, глядя сквозь ресницы на снежную равнину за пределами пещеры.

Ветер крутил по белоснежной пустыне поземку, то присыпая каменные плиты, то вновь очищая их. Я стиснула себя за плечи, что было сил, понимая, что все-таки замерзну здесь. Очень быстро замерзну. Теперь пещера уже не казалась мне такой негостеприимной. Я обернулась назад, и зверек, который, оказывается, всё это время шел за мной, отскочил назад и угрожающе зашипел. Мой взгляд прошелся выше него, уткнулся в темноту, и я мотнула головой. Нет, туда не вернуться. Ни за что.

Снова посмотрела вперед и невольно усмехнулась пришедшей в голову мысли – я стояла на границе тьмы и света. Позади меня клубилась непроглядная чернота, впереди расстился ослепительно-белый цвет. Мне оставалось лишь

выбрать, и я свой выбор сделала, шагнув за пределы пещеры. То, что изменить уже ничего не выйдет, поняла сразу же, когда босая ступня соскользнула по обледенелому камню, и я полетела вниз, обдирая кожу там, где еще не успела это сделать. То, что на мне было надето, а я узнала в этом сорочку, нещадно затрещало. Кажется, хрустнуло плечо, а может, мне это только показалось... Боли всё равно уже не было.

Я лежала немного, уткнувшись лицом в снег. Наконец, перевалилась на спину и уставилась в бело-серое небо. Мне вдруг стало безразлично, что со мной будет дальше. А следом подумалось, что такая смерть не столь уж и плоха. Я, наверное, даже не замечу, когда всё закончится. Нужно только еще немного подождать. Закрыв глаза, я попыталась сосредоточиться на своем дыхании, чтобы понять, когда сердце начнет замедлять бег, чтобы уловить момент перехода...

Рев над головой заставил меня распахнуть глаза. Я не увидела того, кто ревел, но услышала отчаянный писк знакомого зверька. Он скатился по камням вниз, упал рядом со мной, но, даже не обратив в этот раз внимания, бросился прочь. И желание ждать смерть исчезло. Даже представить того, кто рычал в пещере, было жутко. Я была согласна тихо отойти в мир иной, но не хотела делать это в муках.

Не знаю, что двигало мной, наверное, все-таки упрямство, но я поднялась на ноги и побежала. Хотя, может, это только мне казалось, что я бегу, но делала я это на пределе последних сил, не замечая ни ветра, ни снега, ни лютого холода. Не

оборачивалась, просто было невозможно страшно. Бежала и бежала, пока не споткнулась обо что-то и полетела на новые камни. На этом силы иссякли.

Перевернувшись на спину, я вновь посмотрела на небо и зажмурилась, потому что слышала торопливые шаги. Похоже, меня нагнали.

– Анат тыгор ахэй?

Это был женский голос, уже немолодой, даже, наверное, старческий. И я ни слова не поняла из того, что мне сказали.

– Помогите, – сипло выдавила я. Попыталась открыть глаза, но лишь судорожно вздохнула, когда теплая ладонь закрыла мне их.

– Шархын, – сказала женщина, и я провалилась в пустоту небытия...

Не знаю, сколько я была без сознания, наверное, долго, но очнулась в этот раз от жары. Всё мое тело горело огнем. Хотелось содрать даже кожу и мясо, лишь бы появилось облегчение, и изматывающий зной ушел. Но он не уходил, продолжая плавить меня до костей. И я даже не могла сказать, что мне нравилось больше: когда я леденела от холода, или горела от жара? Кажется, мне не нравилось ничего. Должно быть, мне тяжело угодить...

Беспокойно заерзав, я поняла, что не могу сдвинуться с места. Тут же щеки коснулось что-то прохладное, и я замерла, жадно прислушиваясь к этому приятному ощущению. Прохлада коснулась второй щеки, затем лба, и губы стали

вдруг влажными. Я разлепила их, облизала сухим шершавым языком, и влага исчезла.

– Еще, – попросила я, но не уверена, что вообще это сказала. Возможно, слово было всего лишь мыслью.

Губы снова стали влажными, только теперь я не спешила облизывать их, опасаясь растратить единственную каплю воды в той раскаленной пустыне, которой стала я сама. Замерев, я лежала некоторое время и вдруг осознала, что сквозь закрытые веки вижу отсветы, кажется, огня. Еще через мгновение ощутила смесь запахов, в которых я опознала дым и травы. Был еще какой-то запах, въедливый и резкий, он быстро перебил все остальные, и я поморщилась:

– Фу.

А следующим открытием стало монотонное бормотание надо мной, в которое изредка вплетались глухие удары. Бум... бум... бум. Бормотание было тихим, чем-то напоминающая песню, только скучную, похожую на длинную унылую дорогу. Я даже представила, что иду по этой дороге. Вокруг серая пыль, камни и сухая трава. А над головой солнце. Жаркое, невыносимое, изнуряющее.

Я застонала и открыла глаза. Надо мной стояла пожилая женщина. Жуткая. Лицо ее было испещрено глубокими морщинами, веки нависли, и глаза из-за этого казались узкими. На лбу и щеках старухи я рассмотрела рисунок, но что он означает, не смогла разобрать. И всё же, несмотря на видимую дряхлость женщины, взгляд ее был ясным и острым,

будто у хищной птицы. Крючковатый нос еще больше усиливал это ощущение.

На голове старухи был надет странный головной убор с нашитыми на него костяными пластинами. Седые косы лежали на плечах, укрытых чем-то вроде красного балахона, стянутого на поясе плетеным кушаком. Я поняла, что не знаю такой одежды, никакой аналогии в голову не пришло. Перед внутренним взором мелькали мимолетные образы, на которые сознание откликалось узнаванием, вроде той же хищной птицы, но вот женщина осталась за пределами моей памяти. Если я что-то и знала о ней, то благополучно забыла.

Старуха в очередной раз подняла над головой круг, обтянутый потемневшей кожей, с боков которого свисали меховые хвосты и нитки с разноцветными бусинами, ударила по нему короткой толстой палкой и замолчала. Кажется, она проводила какой-то ритуал. «Колдунья», – отозвалось сознание.

– Ыргын? – спросила она.

– Не понимаю, – шепотом ответила я.

Колдунья отложила круг и палку и поднялась с колен. Только сейчас я заметила, что лежу на полу, спеленатая с головы до ног в ткань. Женщина отошла куда-то за пределы моей видимости, но быстро вернулась с глиняной кружкой в руке. Она снова опустилась рядом со мной, приподняла голову и прижала кружку к губам. Настой, полившийся в раскрытый с готовностью рот, оказался холодным и горьким. Но

жажда была столь велика, что я, толком не заметив горечи, жадно выпила всё, что мне дали.

Затем кружка исчезла, и женщина прижала узкую сухую ладонь к щеке. Она заговорила. Задумчиво, неспешно, словно рассуждала. Я не понимала ни слова. Вслушивалась, но язык был мне незнаком. Он казался грубым и гортанным. Не знаю, на каком языке говорила я, но, похоже, и колдунья никогда его не слышала.

– Я не понимаю, – сипло повторила я, и старуха махнула рукой.

Что-то коротко произнеся, она вновь встала на ноги и ушла, оставив меня в одиночестве. Шаги я слышала, хозяйка осталась в доме, но ко мне уже не подходила. Мне осталось только прислушиваться и думать. Но это выходило плохо, мешали растерянность и жар. Впрочем, последний постепенно сходил, и мой разум медленно, но верно, начал проясняться. Когда из неудобств осталась только ткань, не дававшая мне шевелиться, я перестала слушать шаги и редкое бормотание старухи, и начала размышлять.

Некоторое время я терзала разум попытками вспомнить: кто я, откуда, и как появилась в той пещере. Однако, в конце концов, отказалась от этой затеи, ощутив легкую головную боль. После этого я сосредоточилась на том, что знала точно – моя одежда. То есть та сорочка, в которую я была одета. Откуда-то я точно знала, что она была жутко неприличная, потому что длинна невесомого одеяния едва скрывала коле-

ни.

Предположений о том, почему на мне была надета вещь, выходявшая за рамки приличий, было несколько. Я заму-жем, я чья-то любовница, я... куртизанка. Точно знала, что вещь дорогая, и значит, дешевой шлюхе принадлежать не могла. Значения всех этих слов я понимала, и потому реши-ла остановиться на замужестве, оно мне казалось наиболее привлекательным. Из этого следовало, что я не девица. Впрочем, женщина, надевшая короткую сорочку, девицей быть не могла. Слишком развратно.

Остановившись на этом, я перешла к окружающему миру. Я знаю такого зверька, как крыса, знаю о собаках. Знаю, как выглядит хищная птица, знаю о приличиях... хотя бы про длину сорочки. Я понимаю запахи, могу различать предме-ты гардероба... О, я знаю слово – гардероб! Еще саркофаг. Еще я разбираюсь в окружающем пространстве. Узнаю снег, ветер, камни. Выходит, я помню почти всё, кроме того, кто я, где жила, на каком языке разговариваю, и как я оказалась в пещере. И любая попытка вспомнить, приводит к тому, что начинает ломить в висках.

Недалеко от меня слышались шаги. Я скосила глаза и увидела старуху. На ней уже не было ни красного балахона, ни шапки с костяными бляхами. Теперь женщина была оде-та в серую рубаху, поверх которой красовался жилет с меховой оторочкой, и юбку, доходившую длиной до щиколо-ток. Обувь колдуньи была мне незнакома. Она представля-

ла собой нечто вроде коротких кожаных сапожек, только без подметок и каблуков. Оттого шаги женщины выходили тихими и шаркающими. По краю обуви тоже шла тонкая меховая оторочка.

Колдунья бросила на меня короткий взгляд, что-то сказала и опять исчезла из поля моего зрения. Я поджала губы. Ищут ли меня? Найдут? Сколько мне придется пробыть здесь? Хотелось надеяться, что старуха не выгонит меня, как только я оправлюсь. Если я окажусь в этом царстве снега и холода, то долго не протяну. Я ничего и никого здесь не знаю... по крайней мере, не помню. И тогда мне лучше остаться рядом с человеком, который уже принял во мне участие. К тому же, если она колдунья, значит, может помочь мне вернуть память. Но как я ей объясню, что мне нужно помочь вспомнить? На пальцах не объяснишь, значит, нужно научиться ее понимать. Да, разумная мысль. Первый мостик к взаимопониманию – это язык. Нужно приглядеться к женщине, понравиться ей...

– Расчетливая... – прошептала я и нахмурилась.

Кажется, когда-то где-то я слышала такое. В голове тут же всплыл мой собственный ответ: «Я просто знаю, чего хочу». Хм... И кому я это говорила? Виски тут же отозвались легкой болью. Даже не удалось вспомнить, кто называл меня расчетливой: мужчина или женщина? Хорошо, всему свое время. Раз мелькнуло один раз, значит, появится в другой. Возможно, что-то большее, чем одно слово. Не стоит из-

водить себя попытками вспомнить утраченное, дело это не ускорит.

Расслабившись, я прикрыла глаза и сосредоточилась на шагах колдуньи. Они приблизились и замерли рядом. Глаз я открывать не стала. Зашуршала ткань, и моего лица коснулась сухая ладонь. Я продолжала упрямо жмуриться, когда тонкие пальцы старухи вдруг ухватили меня за нос. Это было не больно, но от неожиданности я охнула и возмущенно посмотрела на женщину.

Она рассмеялась. Смех у пожилой женщины был хрипловатый, низкий. Она откинула полог полотна, сковывавшего меня, и подала руку. Колдунья разговаривала со мной, продолжая посмеиваться. Я по-прежнему не понимала и рассматривала ее, точнее, рисунок на ее лице. Эта была вязь символов, плетение которых причудливо складывалась в фигуры, похожие на животных. А может мне это только казалось, но однажды заметив это, я уже не могла отделаться от ощущения, что смотрю на фигурки зверей, бежавших друг за другом.

– Ата, – колдунья оторвала меня от созерцания и поманила за собой. – Ата-ата.

– Идем? – переспросила я. – Идем-идем. Наверное, так.

– Ата, – повторила колдунья, улыбнувшись.

На удивление у нее были все зубы, крепкие, чуть пожелтевшие, но без налета гнили. Она всё манила меня, повторяя свое «ата», и я, ухватившись за ее руку, поднялась на но-

ги. Оглядела себя. Единственный покров, скрывавший мою наготу, остался лежать на деревянном полу. Вдруг ощутив смятение, я закрылась собственными волосами. Женщина хмыкнула, покачала головой и потянула меня за собой, сказав уже знакомое:

– Ата.

Наверное, это все-таки можно было перевести, как идем, потому что ничего иного в голову не пришло. Я послушно шагала сзади, разглядывая сундуки, стол, четыре простеньких стула, две скамьи, полки, очаг, в котором весело потрескивал огонь. Глиняные горшки и миски, пучки сушеных трав – всё это было мне понятно и знакомо. А вот зверь, растянувшийся у дверей, вызвал оторопь. Он чем-то напоминал пса и овцу одновременно, только ростом чуть превосходил кошку. Зверь поднял округлую голову, оскалился, но старуха грозно замахнулась, и странное животное перевернулось на спину, поджало лапы и издало урчащий звук.

– Кто это? – вырвалось у меня.

– Турым, – ответила колдунья.

– Его так зовут?

Женщина махнула рукой, кажется, решив не отвлекаться на мой лепет, сдвинула ногой животное в сторону и толкнула дверь. Мы оказались в полумраке маленького помещения, но разглядеть его я не успела, потому что моя спасительница сдвинула в сторону кожаную завесу, и на меня дохнуло паром и травяным ароматом. Старуха слегка подтолкнула ме-

ня:

– Лихур. Ат.

«Иди», – перевела я для себя. Ата – идем, ат – иди. Кажется, я верно поняла. Что означало первое слово осталось мне неизвестно. За занавесой были камни. Они устилали пол, стены, потолок. От камней шел жар, но что нагрело их, я не увидела. Как не увидела углубления в полу, заполненного водой, от которой поднимался ароматный пар. Я сделала несколько шагов, озираясь по сторонам, и под окрик старухи полетела в воду. Тут же в спину мне раздался хриплый смех. Колдунья веселилась.

Я забарахталась, хлебнула воды и, вскочив на ноги, отчаянно закашлялась. Затем ожесточенно стерла с лица влагу и сердито взглянула на старуху. Она продолжала хохотать. Полусогнувшись, мотала головой и хлопала себя ладонями по бедрам, сейчас напоминая не хищную птицу, а обычную курицу.

– Не вижу ничего смешного, – проворчала я и передразнила женщину: – Ат-ат.

Старуха затряслась от нового приступа смеха. Ощувив прилив жгучей обиды и гнева, я размахнулась и плеснула в нее водой. От неожиданности колдунья замолчала, заморгала, с удивлением глядя на меня, а после... опять развеселилась. Ударив по воде ладонями в бессильной злобе, я уселась в воду, скрывшую меня по шею, скрестила на груди руки и насупилась, словно маленький ребенок.

Женщина приблизилась ко мне, что-то приговаривая, погрозила пальцем и опустилась на колени. Она подцепила прядь моих волос, пропустила между пальцами и снова заговорила, только, кажется, теперь размышляя вслух. Я сидела, глядела перед собой и делала вид, что не замечаю смешливой хозяйки дома, но слушать продолжала, надеясь, что вновь смогу хоть что-то понять, однако в негромкой речи я не смогла уловить даже «ат».

Пока я слушала ее ворчание, женщина опустила в воду руку с пучком сухой травы, потерла его, и на поверхности соломы появилась пена. Дальше меня мыли. Ворчание сменилось пением, впрочем, ничем не напоминавшим того бормотания, которое я слышала, придя в себя. Эта песня не была монотонной, она была напевной, приятной, и старухин голос звучал как-то завораживающе. Я застыла, вслушиваясь в мотив, и даже не заметила, как колдунья, набрав в деревянный ковш воды, осторожно вылила ее мне на голову, смывая пену. Затем показала жестом, чтобы я встала, снова зачерпнула из большого ведра и полила на тело. С последними словами песни, она кивнула на занавесь и сказала с улыбкой:

– Ат.

Я послушно выбралась из углубления, вышла за занавесь и увидела кусок ткани, расстеленный на лавке. Хотела было взять его, но старуха отрицательно покачала головой. Она указала подбородком на лавку:

– Тан.

– Лечь? – переспросила я.

– Тан, – кивнула женщина.

Заинтригованная, я улеглась на живот. Колдунья ловко скрутила мне мокрые волосы в узел на макушке, затем накрыла вторым куском ткани, и начала мять плечи, спину, ноги, стопы. Движения ее были умелыми и быстрыми, порой причинявшими слабую боль. После мне велели подняться на ноги. Старуха откинула верхний кусок ткани, затем нижний, постелила сухой и указала на него взглядом.

– На спину? – поняла я.

Женщина похлопала меня по спине, подтверждая догадку, и как только я выполнила ее пожелание, возобновила массаж. Когда она добралась до стоп, я уже готова была зашипеть и обругать свою спасительницу за ее странную заботу, но колдунья отошла в сторону и велела подниматься. Кажется, мучить меня закончили. Вернувшись в ту часть дома, где имелся очаг, я оглядела себя при свете огня и изумленно охнула – на моем теле не было ни синяков, ни ссадин, ни ран от зубов того зверька из пещеры, которого я назвала крысой. И чувствовала я себя необычайно бодрой и здоровой. Я рассмеелась. Хозяйка дома с улыбкой покачала головой и сунула мне в руки одежду. Разбираться с ней мне предоставили уже самостоятельно.

Однако заметив долгое затишье с моей стороны стола, колдунья, возившаяся у очага, обернулась, внимательно посмотрела на мое недоумение, с которым я крутила непонят-

ную мне одежду, прикрыла рот ладошкой и опять рассмеялась. Одевали мы меня с ней вместе. Странные сероватые штуки с завязками оказались нательным бельем. Станным в них было то, что штанины существовали по отдельности. То есть сначала я надевала первую штанину, обвязывала ее вокруг талии, затем вторую, тоже обвязывала ее вокруг талии. Между ног ткань шла внахлест и стягивалась тонкой тесемкой. Но сразило меня другое. Моя хозяйка, указав на мое белье, присела, изобразив, будто справляет нужду, потянула воображаемую тесемку и «раздвинула» ткань между ног. Я сказала только одно:

– Какой ужас.

Однако это было меньшей из моих бед, потому я решила сначала опробовать это «приспособление» в деле, потом делать окончательные выводы. После на меня натянули рубашку с узкими рукавами, она приятно легла к телу. Рубашка мне понравилась. Затем были штаны более привычного кроя. Дальше еще одна рубаха, длинная. Затем жилет, отороченный мехом. И ноги я сунула в такие же мягкие башмаки, как у колдуньи. После того, как волосы высохли, старуха сама расчесала их и заплела в косу, стянув ее снизу кожаным ремешком. Мои волосы ей особенно нравились. Она часто посматривала на них, порой трогала, что-то приговаривала и вздыхала. Это она делала, как мне показалось, удрученно. Ну, может, у нее было какое-то особое отношение к рыжим волосам. Ничего, поживу и всё узнаю. Начали мы вроде

неплохо.

– Благодарю, что не оставили меня, – произнесла я, когда женщина отошла.

Она вопросительно приподняла брови, и я, прижав ладонь к груди, склонила голову, жестом повторив свое «спасибо». Колдунья улыбнулась, кивнула в ответ и отошла, чтобы заняться своим делом. А я села за стол, подперла щеку ладонью и протяжно вздохнула. Теперь, когда я чувствовала себя защищенной, вопрос с моим беспамятством вновь занял первое место.

– Кто же я? – спросила я зверя, не сводившего с меня взгляда.

Зверь почесался задней лапой и лег на свое место. Разбираться с моими бедами он не собирался. Придется это сделать самой.

Глава 2

Последующие тридцать пять дней были похожи один на другой. Я просыпалась, вырезала черточку на полене, которое раздобыла у моей спасительницы, после прятала его под свою лежанку и вздыхала: наступил еще один день. После этого я шла умываться, приводила себя в порядок и присоединялась к Ашит – так звали колдунью, приютившую меня. Мы завтракали, а потом я делала то, что она мне говорила – помогала по хозяйству, а заодно учила новый для меня язык.

Мы уже даже немного разговаривали. Запоминать новые слова оказалось не так сложно, когда нет возможности слушать родную речь. А может, дело было в самой Ашит. Она зачастую проговаривала свои действия, а я повторяла, потому быстро начала правильно понимать ее задания.

– Ат иш карых, – говорила она, и я, взяв в руки веник, начинала подметать пол под одобрительную улыбку колдуньи.

И так во всем. Она проговаривала, совершая какое-то действие, и я повторяла за ней. Теперь я знала, что «турым» – это название зверя, а не его кличка. Звали кудрявое недоразумение, которое пристрастилось спать у моей лежанки, – Уруш. Ашит поначалу гоняла его, но когда увидела, что мы ладили, турым стал моей тенью.

Поначалу он за мной наблюдал. Ходил следом и смотрел, что я делаю. Если я прикасалась к чему-то, зверь начинал по-

рыкивать. Но стоило сунуть ему кусок тушеного мяса, пока Ашит отходила от стола, как Уруш стал меньше подозревать меня в недобрых намерениях. А когда я начала чесать ему брюхо, турым и вовсе проникся ко мне живейшей симпатией. Наша хозяйка его почти не гладила. Кинет поесть, выпустит погулять, не забудет позвать обратно. Иногда могла почесать ему ногой брюхо, пока сидела в деревянном кресле у очага – вот и вся ее суровая ласка. Я же играла с Урушем.

Мы бегали с ним во дворе, играли в догонялки. А еще я, слепив снежок, кидала его в зверя, и тот, подпрыгнув, ловил ледяной комок зубами. Эта игра до того понравилась турому, что он сам начинал рыть носом снег, показывая, что я должна сделать. Ашит смотрела на наше веселье со стороны. Иногда улыбалась, иногда качала головой, иногда даже прикрикивала, если видела, что Уруш, снеся меня с ног, навалился сверху, и я, визжа, пытаюсь освободиться от его небольшой тяжести. Мне было весело, турому тоже, а Ашит ворчала и грозила нам пальцем.

– Слабая, – говорила она мне, пытаясь достучаться до сознания. – Замерзнешь, пойдешь в Ледяную пустошь. Могу не вернуть.

Ледяная пустошь – это было моим собственным переводом того, что говорила колдунья. Я уже знала слово «лед», а еще «пусто». И в том, что она мне рассказывала о своих верованиях, были слова, где улавливалось знакомое звучание. Так я поняла, что души умерших уходят в эту Ледяную пу-

стошь, и их там встречает Белый Дух. Он сотворил этот мир, он царствовал в нем, и он устанавливал законы. Впрочем, это тоже были мои догадки, и они могли быть неверны или просто неточны. Я делала их, слушая то, что говорит мне Ашит, улавливала уже знакомые слова, следила за жестами и делала примерные выводы.

Так проходил очередной день, и наступала ночь: черная и безлунная. Я ни разу не видела в этих местах ночного светила, не видела звезд – они всегда были скрыты облаками, щедро застилавшими небосвод дымчатой мглой. Как не видела ни разу солнца. Мне даже начало казаться, что здесь никогда не бывает иных красок. Только белый. Никогда не бывает тепло. Что там, куда меня занесло, царит вечная зима, снег и лед.

Снегопадов тоже не было. Впрочем, была метель, но всегда ночью. Я слушала ее завывания и куталась в толстое лоскутное одеяло. В такие минуты мне казалось, что я обязательно должна хоть что-то вспомнить из своей прошлой жизни, но нарочно воспоминания никогда не появлялись, словно кто-то навесил замок на дверь, ведущую к ним.

Однако они просачивались во сне, и тогда я видела смутные образы, больше напоминавшие горячечный бред. Видения были хаотичными, рваными, и сложить из них полноценную картинку не получалось. Я терялась в этой круговерти, словно стояла посреди завывающей метели, и больше хотелось зажмуриться и закрыть лицо руками, чтобы защитить

от колючих ледяных иголок, чем продолжать всматриваться в обрывки былого. И я просыпалась, тяжело дыша. Садилась, стирала с лица обильный пот и потом долго лежала, слушая завывания за стенами дома Ашит.

За все тридцать пять дней я не видела ни одного человека, кроме моей спасительницы и себя. Мне уже начало казаться, что и людей здесь тоже нет, но они были. Об этом я узнала пять дней назад. К Ашит пришли трое мужчин, однако ни они меня, ни я их так и не увидели. И всё дело в колдунье. Она узнала о приближении гостей, когда тех еще не было видно.

Мы с Урушем дурачились на улице. Он опять завалил меня в снег и упал поперек, радостно повизгивая вместе со мной. Дверь в этот момент открылась, и на пороге появилась колдунья. Она приложила ладонь козырьком ко лбу и устремила взгляд вдаль. После этого прикрикнула на турума, и он нехотя сполз с меня. Ашит, подзывая, махнула мне рукой. Я поднялась на ноги, начала отряхиваться, но старуха неожиданно резко прикрикнула:

– Иди в дом!

Опешив, я все-таки послушалась, но недоумение почувствовала. За всё это время, что я жила у Ашит, она ни разу не кричала на меня, не бранила, даже не отчитывала, а сейчас явно сердилась. Когда я прошла мимо нее, колдунья закрыла дверь и указала мне рукой в сторону умывальни (так я назвала лихур – место для омовений), и велела:

– Сиди там. Позову.

– Что случилось? – спросила я на родном языке, но сразу же поправилась, заменив вопросом на языке снежного мира: – Зачем?

– Гости. Не должны смотреть, – она подобрала наиболее понятные мне слова в ответ. – Сиди там. Позову.

И, повторив уже сказанное ранее, отвернулась. Я ушла не сразу. Сначала приблизилась к окну, вытянув шею, посмотрела в том направлении, куда глядела Ашит, и увидела вдалеке три черные точки. Они постепенно приблизились настолько, что уже можно было различить – это всадники, и едут они на еще неизвестных мне длинношерстных животных.

– Уходи! – вдруг рявкнула за спиной Ашит, и я вздрогнула.

После этого кивнула и направилась в сторону своего укрытия. Оставалось лишь гадать, почему колдунья не хочет показывать меня. В любом случае, пока она только заботилась обо мне. Возможно, и ее тон, и приказ были тоже заботой. Потому ни оспаривать, ни нарушать ее повеления я не стала.

Из умывальни, чуть сдвинув кожаную занавесь, я слушала, как в дверь постучались и вошли только тогда, когда Ашит разрешила. С ней поздоровались, как мне показалось, с уважением. А потом говорил только один из троих. Его голос был низким и хрипловатым. Я уловила просящие нотки

и чуть высокомерный ответ колдуньи. Поняла я совсем мало, всего лишь отдельные слова, потому что разговаривали бегло. Вот тогда я оценила доброту моей спасительницы. И ее нарочито неспешный говор, и короткие фразы, и жесты, и повторы, когда я не могла сообразить, чего она от меня хочет. Она обучала меня, терпеливо и заботливо, не ругая за ошибки, не сердясь за неверно понятые слова. Да, общаться с кем-то еще мне было рано.

Незванные гости ушли достаточно быстро. Благодарили и прощались с колдуньей они опять все вместе. Она благословила их, и дверь скрипнула во второй раз. Мужчины ушли, а Ашит позвала:

– Возвращайся.

Смотреть в окно она мне не запретила, потому что гости не обернулись ни разу. Правда, и я почти ничего не увидела, кроме теплых шуб и белых прядей, которые трепал ветер.

– Кто это? – спросила я.

Ашит, стоявшая у очага, обернулась. Она скользнула по мне взглядом, после перевела его на окно, однако увидеть тех, кто приходил к ней, со своего места не могла. Я ждала ответа, колдунья с ним не спешила. Возможно, думала, как лучше сказать, чтобы я поняла.

– Тебе не надо, – наконец, ответила она, и я возмущенно округлила глаза.

Хорошо, мне не нужны эти люди, с этим я была склонна согласиться, но понять, кто они – было полезно. Хотя бы ра-

ди того, чтобы больше узнать о новом для меня мире.

– А звери? – плохо скрыв раздражение, спросила я, вновь глядя вслед трем черным точкам.

– Рохи, – сразу же ответила старуха.

Ну, и на том спасибо. Теперь я знала, что здесь есть ездовые животные, и их называют рохами. Однако о людях узнать всё равно хотелось. Покусав губы, я обернулась к колдунье.

– Зачем я ушла?

На самом деле мой вопрос прозвучал не так гладко. «Зачем я иди?» – вот, что я спросила, но Ашит даже не улыбнулась. Она приблизилась ко мне и взяла в ладонь косу, поддержала ее и вернула на плечо.

– Твои волосы – огонь, – сказала она. – Будут глядеть. Плохо.

Я помолчала, обдумывая ее слова, затем понятиливо кивнула. Значит, рыжие волосы у них редкость, а то и вовсе в новинку. Тогда, Ашит была права, когда спрятала меня. Излишнего внимания или насилия над собой я не хочу.

– Ашит, – позвала я, и колдунья опять посмотрела на меня. – Как защитить? Меня.

Она указала на умывальню и усмехнулась, заметив очередной всплеск моего возмущения. Затем вздохнула и указала на себя:

– Шамана никто не тронет. Кого защищает Белый Дух, того боятся обидеть. Учись.

– Хорошо, – кивнула я. – Я согласна.

– Сначала это, – она указала на свой рот.

– Хорошо, – снова кивнула я. – Но учить ты можешь и сейчас.

Колдунья хмыкнула и вдруг указала на свое лицо.

– Это будет твоим.

Вот эта новость мне понравилась намного меньше. Уродовать себя татуировкой мне совсем не хотелось. Эти рисунки, которые Ашит назвала «слова Духа», показались мне лишним украшением. Женщина всегда должна оставаться женщиной... Кто же это говорил? Я поморщилась из-за ощущения глухой стены в голове, которая скрывала ответы на мои вопросы, а после спросила:

– Как еще защитить?

– Лихур, – ответила она, снова указав на умывальню, и рассмеялась, увидев, как на моем лице отразилась досада. Сидеть всю жизнь за занавеской мне не хотелось.

– А это надо? – я обвела пальцем свое лицо.

Колдунья кивнула, но добавила:

– Здесь можно, – и указала на плечо. – Но никто не увидит. Так делают мужчинам. Женщинам на лицо.

– Надо подумать, – пробормотала я на родном языке. Возможно, надо просто увериться, что мое лицо станет мне защитой.

А чуть позже я даже пришла к выводу, что такое лицо даст мне необходимую власть. Я слышала, с каким уважением говорили мужчины с Ашит. Это хорошо. Это рычаг для управ-

ления своей жизнью. Если я буду держать такой рычаг в руках, то смогу сама решать, как мне жить и что делать. Да, наверное, стать шаманкой – недурной выход.

– Ашит, я хочу быть шаманом, – сказала я, когда за окном завывала метель. – Учи.

– Белый Дух слышит днем, завтра спросим, – ответила она, и я поняла, что мое обучение – вопрос еще не решенный. Всё будет зависеть от Духа.

– Расскажи про людей, – попросила я.

– Сначала язык, – ответила женщина, и мне пришлось смириться. Ее упрямство я уже знала. Хотя не понимала его.

Это были просто знания, и они мне были необходимы, чтобы выжить. Я должна была понимать, как вести себя, как не попасть в глупое, а то и вовсе опасное положение. Однако Ашит моих мыслей не разделяла. А так как она оставалась единственным знакомым мне человеком, пришлось смириться с ее молчанием и ждать, что будет дальше.

А дальше было новое утро. Моя спасительница подняла меня, когда за окном еще царил сумрак. Метель уже улеглась, но нанесенный ею снег всё еще летал в холодном воздухе. Стараясь не глядеть на унылую картину за окном, я послушно привела себя в порядок и села к столу, но Ашит отрицательно покачала головой и указала на уличную одежду.

– Белый Дух ждет нас, – сказала она. – Его глаза лучше видят, когда ночь встречает день. Свет и Тьма – это... – она замолчала, подбирая слово, а затем махнула рукой и произ-

несла до боли знакомое: — Ата.

И мы пошли. Уруш остался сторожить дом, и как он не упрашивал взять его, хозяйка осталась непреклонна. Мы ушли без турыма. И пока мы шагали по ровному слою снега, обновленному за ночь, колдунья не издала ни слова. На мою попытку заговорить, Ашит ответила строгим взглядом и приложила палец к губам. Протяжно вздохнув, я покори-лась и этому требованию.

Признаться, меня иногда раздражало то, что я полностью завишу от Ашит и совершенно не властна над своей судьбой. Нет, не так. Как раз воли меня никто не лишал. Я бы могла одеться, выйти за порог и покинуть гостеприимный дом шаманки. Она бы не стала противиться и удерживать, предоставив мне право выбора. В этом я была уверена. Однако я понятия не имела, что меня ждет за порогом. И вот в этом была моя слабость и зависимость, а женщина упорно избегала разговоров о людях и о своем мире. И вот это раздражало. Порой от безысходности приходила волна возмущения и даже гнева, но их я давила. Здравый смысл оставался со мной, и он велел быть терпеливой.

Зла в шаманке не было, как и коварства — я это чувствовала. Да и вряд ли кто-то стал бы столько возиться со мной, как эта одинокая женщина. Как бы там ни было, но она все-таки обучала меня языку, пусть по капле, но открывала передо мной незнакомую действительность, и уже только за это стоило быть благодарной. Не говоря о спасении моей жизни.

От размышлений меня отвлек далекий вой. Беспокойно оглянувшись, я поискала взглядом зверя и с удивлением обнаружила целую стаю. Этих зверей я тоже не знала. Может, Ашит и рассказывала мне про них, но не всё из того, что она говорила, я могла понять, пока в это не тыкали пальцем. А рычала и скалилась она, произнося названия разных животных, так что какое-то из них отнести к стае я не могла.

– Ашит, – с тревогой позвала я.

– Не пойдут, – ответила она, так и не обернувшись. – Путь закрыт.

Ну, раз закрыт... Я еще раз обернулась, но звери так и не перешли невидимой черты. Может, и вправду эта земля была для них запретна. И я вздохнула с облегчением. А понаблюдав еще немного, я поняла, что рядом вообще нет никаких зверей. В небе можно было разглядеть черный силуэт большой птицы, однако она парила слишком высоко, чтобы заподозрить ее в недобрых намерениях. На этом я окончательно успокоилась и сосредоточилась на окружающем пейзаже.

Он не менялся. Белая пустыня без единого чахлого деревца, без камней и чьих-либо следов. Уныло и однообразно до невозможности. А мы всё шли и шли, и мне казалось, что наш путь никогда не закончится... Но он закончился неожиданно, когда из утреннего грязно-белого марева навстречу нам выскользнула небольшая скалы, такие же безжизненные и унылые, как и всё вокруг.

А вскоре стал виден грот, к нему мы и направились. Еще

через несколько шагов у меня открылся рот и уже не закрывался, потому что впервые за то время, что я находилась в белом мире, я увидела красоту. Она не была рукотворной, готова в этом поклясться. Не была нарочитой, вычурной или тяжеловесной, подобно безвкусно обставленному дорогой мебелью дому. О нет! Красота этого места была невесомой и почти нереальной. Она переливалась тысячами маленьких искорок, сиявших в тончайшей ледяной паутине, оплетавшей вход в скалу.

– Ох, – восторженно выдохнула я. – Как же восхитительно прекрасно...

Ашит не поняла меня, потому что говорила я на родном языке. Она обернулась, кажется, хотела поругать меня, но только улыбнулась, глядя на мой детский восторг, и поманила за собой. И мы прошли под радужным переливом ледяных искр, на которые не падало ни единого луча солнечного света. А когда вошли в грот, то оказалось, что и он наполнен сиянием. Не нужно было ни фонарей, ни факелов, чтобы разогнать мрак – его попросту тут не было. Да и грот оказался целой пещерой.

Мы шли по ледяной дороге, мимо прозрачных сверкающих наростов, порой казавшихся настоящими колоннами. Если честно, я перестала следить за временем. Оно просто исчезло, растворилось в блике ледяных искр. Мне даже стало казаться, что в замороженных узорах скрыты фигуры сказочных существ, потому что ни одно из их очертаний не бы-

ло мне знакомо. Конечно, скорей всего это были игры моего воображения, но они не отменяли чудес пещеры, и я продолжала ими любоваться.

Наконец Ашит остановилась. Перестав озираться по сторонам, я посмотрела вперед и охнула, потому что вдруг увидела самого прекрасного во всем свете мужчину, сидевшего на ледяном троне. Я ясно увидела его пронзительные глаза, показавшиеся мне в первое мгновение серыми. Однако спустя миг мне подумалось, что они все-таки голубые, а еще спустя один удар сердца налились насыщенной синевой. У мужчины были длинные белоснежные волосы, а еще высокая корона на чистом челе. Задержав дыхание в немом восхищении, я сделала к нему шаг и... растеряно моргнула. Передо мной не было человека. Была наледь, спускавшаяся по камням, словно застывший в одно мгновение водопад. И сколько бы я снова ни моргала, мое видение так больше и не появилось.

– А где же он, где?! – воскликнула я, и эхо прокатилось под сводами, зазвенев множеством льдинок. Их чистый перезвон на мгновение заполнил пещеру, а затем всё стихло.

– Что ты видишь? – спросила меня Ашит.

– Здесь был мужчина, – уже тише произнесла я, слабо отдавая себе отчет, что вновь перешла на родной язык. Слишком сильны были эмоции, чтобы следить за тем, что и как я делаю. – Он был невероятно прекрасен! Я так хорошо рассмотрела его! Но потом он исчез. И теперь я вижу застыв-

шую воду. Ах, как бы мне хотелось говорить на твоём языке, Ашит! Ты ведь ни слова не понимаешь, а я так хочу услышать ответы на свои вопросы. Ашит, что же это такое? Куда делся мужчина в короне? Я же видела его, видела!

И вновь хрустальный перезвон наполнил пещеру, почти заглушив мои последние слова. А когда воцарилась тишина, шаманка улыбнулась:

– Белый Дух услышал твоё желание. Я понимаю тебя.

– Но куда он делся? Я же видела... Желание? – осеклась я. – То есть я могла попросить, о чём угодно?

– У молитв и просьб нет границ. Лишь Отец решает, какие из них исполнить, – ответила Ашит.

– И я могу ещё попросить? – насторожилась я.

– Можешь. У людей всегда есть много просьб, но Белый Дух слушает лишь те, которые идут от сердца. Твоё желание было именно таким, и Создатель его исполнил. Попробуй попросить ещё раз, но не обижайся, если Он тебя не услышит.

Итак, что я заполучила? Знание языка. Неплохо, но не то, чего бы мне хотелось на самом деле. Не совсем то. Больше всего, мне хочется понять, что со мной произошло, и как я тут очутилась. А лучше всего – вернуться домой. Да, это было бы просто замечательно. И я, поклонившись, заговорила:

– О, Повелитель снегов и льдов, молю тебя исполнить мою просьбу. Верни меня туда, откуда я пришла.

И замерла, ожидая чуда. Его не случилось. Я осталась сто-

ять там, где стояла. Ашит развела руками, показав, что ничего не вышло, но это я поняла и без нее.

– Я говорила, – улыбнулась шаманка.

Раздосадованная неудачей, я едва не плакала. Мне ведь и вправду хотелось бы вернуться домой. Поджав губы, я некоторое время пыталась справиться с раздражением, а потом воскликнула:

– Я прошу тебя! Верни мне память! – ничего не изменилось. – Верни! – закричала я, едва не плача, и несколько сосулек, упав на пол пещеры, разлетелись с противным дребезжанием, ничем не напомнив тот мелодичный перезвон, который я слышала раньше.

– Не гневи Его! – Ашит схватила меня за руку. – Нельзя приказывать Отцу всего сущего. Можно просить, можно молить, можно надеяться, но нельзя приказывать. Он – весь мир, ты – снежная пыль под его стопами. Проси прощения, проси!

– Не буду, – буркнула я, но это было больше обидой, почти детской, чем упрямством.

Я и вправду захлюпала носом. Затем стерла со щеки слезу, скользнувшую из-под ресниц, и прошептала:

– Прошу, верни мне воспоминания. Помоги понять, кто я, откуда, и почему оказалась здесь. Мне это нужно.

Иней, до того лежавший на стенах, вспорхнул, закружился в воздухе и осел на моих волосах. Я продрогла в один момент, и также быстро согрелась. Что бы это ни было, память

не вернулась. И, разочарованно вздохнув, я склонила голову:

- И на том спасибо. Хотя бы могу теперь разговаривать.
- Идем, – шаманка взяла меня за руку. – Повелитель дал тебе всё, что посчитал нужным. И если мы чего-то не поняли, однажды Его ответ станет ясен. Идем.

Не возражая, я бросила взгляд на застывший водопад, но мужчина так больше и не появился. Да и был ли он вообще? Или это мираж, которое соткало мое воображение? Оставалось только гадать... или дожждаться, когда Ашит решит объяснить мне произошедшее. И из пещеры я выходила, больше не любуясь на ее красоты. Хотелось вернуться в уютный дом шаманки, сесть у очага, обнять Уруша и немного пожалеть себя. Так что дело я себе нашла на ближайшее будущее. А как жить в этом белом мире, я подумаю, когда буду готова двигаться дальше. А пока мне было горько, обидно и стыдно за свою вспышку.

Шаманка не укоряла меня, даже не покачала головой. Та ее небольшая речь о величии Белого Духа так и осталась единственной. Она вообще не спешила заговорить, лишь пару раз обернулась, скользнула взглядом по мне и чему-то довольно улыбнулась. Я заметила это, но пока спрашивать не стала – было не до этого. Однако стоило нам покинуть сверкавшую пещеру, как я вспомнила о стае неизвестных мне тварей, ждавших у границы запретных земель... или священных, раз тут находилась обитель хозяина снежного края.

Ощувив прилив беспокойства, я всмотрелась вдаль, звери

никуда не делись. Мне даже показалось, что их стало больше.

– Наша зима сурова, – вдруг произнесла Ашит, словно подслушав мои мысли. – Зверью приходится нелегко. Они рады даже грызунам, а уж человек – настоящее пиршество. Нас двое.

– А-а... – протянула я и закрыла рот, не зная, как реагировать на слова шаманки.

Она полуобернулась, хмыкнула и сказала:

– Не бойся. Мы им не по зубам.

Мне оставалось лишь довериться. Только это и оставалось. Не бояться не могла, звери были большими, голодными, а значит, злыми. И их было много, слишком много на двух женщин, одна из которых была стара, а вторая не в своем уме и совсем не жаждала умирать. В эту минуту я отчаянно жалела, что не прихватила с собой даже ножа. Отдавать свою жизнь просто так было еще обидней, чем неисполненное желание.

Я сверлила взглядом спину Ашит, потом переводила его на зверье, и мое сердце трепетало. Чем ближе мы подходили, тем отчетливей я видела их рост – в холке каждый из них достигал моей талии, а я была, хоть и невысокой, но и миниатюрной меня вряд ли можно было назвать. У этих хищников были мощные лапы, и силы им было не занимать. Наверняка и когти тоже были большими и крепкими. Я видела их лобастые головы и оскаленные морды. Могу признаться честно, при виде клыков я испытала уже не трепет – это был

настоящий страх.

– Иди за мной, Ашити, – не обернувшись, велела шаманка. – Не вздумай закричать или сбежать от них. Только за мной. Ты поняла, Ашити?

– Кто? – переспросила я, почти прослушав, что она сказала.

– Дочь Ашит – Ашити, – ответила женщина. – Теперь это станет твоим именем. Белый Дух позволил тебе войти в Его мир и начать жить среди других детей. Велика милость Белого Духа.

Ну, вот я и обзавелась матерью и именем, а еще благословением местного божества. Можно, наверное, сказать, что сегодня я родилась во второй раз. И какой бы ни была там, здесь мне предстоит начать свой путь заново.

– Ашити.

Я вскинула голову и едва не вскрикнула, потому что стояла одна в окружении диких тварей. Они принюхивались, скалились, порывивали, но не трогали. Задумавшись, я не заметила, как мы пересекли границу, за которой заканчивалась запретная для зверья территория.

– Ашит, – позвала я дрогнувшим голосом. – Ашит, что мне делать?

– Иди, – ответила она. – Просто иди и всё. Они тебя не тронут. Только не беги, помнишь?

Я гулко сглотнула, и один зверь придвинулся ближе. Я опустила взгляд на его лапу и уверилась в своей догадке – она

была мощной, когти тоже. Если он хоть разок ударит меня, то снимет мясо с костей. Зверь оскалился и зарычал громче. Медленно выдохнув, я подняла голову и встретилась взглядом со светло-голубыми, почти прозрачными глазами.

– Ашит, – позвала я, чувствуя нарастающую панику. – Мне страшно.

– Просто шагни, – твердо произнесла шаманка. – Сделай шаг. Давай, Ашити, подними ногу и шагни вперед. Иди! – вдруг выкрикнула она, и я послушно шагнула.

Словно в кошмарном сне я протиснулась между двумя мохнатыми телами, даже ощутила касание серой шерсти к тыльной стороне ладони. А еще их запах. Он был резким и въедливым. Скривившись, я задержала дыхание и сделала последний рывок, изо всех сил стараясь не сорваться на бег.

Ашит, ждавшая меня позади стаи, одобрительно кивнула и зашага дальше. Я шла за ней, и мне всё казалось, что морозный воздух пропитался вонью зубастых тварей.

– Как они называются? – спросила я, продолжая кривиться.

– Рырхи, – ответила шаманка. – Они чувствуют силу Белого Духа. А если подружишься с вожаком, приручишь всю стаю, но летом. Зимой они помогают только за еду. Не накормишь после, сожрут тебя.

– А сила Белого Духа? Разве она не защитит?

– Не знаю, – пожала плечами Ашит, – я рырхов не приручала и не обманывала.

Я фыркнула и на время отстала с вопросами. Только обернулась, увидела, что стая идет за нами, и поспешила поравняться с шаманкой. Потом и вовсе обогнала ее – так было спокойней. А затем подул ветер, он бросил выбившуюся из-под теплого капюшона прядку мне в лицо, и я застыла на месте, разглядывая ее в ошеломлении.

Не выдержав, я скинула с головы капюшон, мотнув головой, перебросила вперед косу и вскрикнула:

– Что это? Ашит, они же белые!

– Это дар Отца признанной дочери, – ответила женщина, вновь обогнав меня. – Теперь ты одна из Его детей.

– Но мне нравились мои волосы! – возмутилась я.

– Возможно, они вернутся, – снова пожала плечами шаманка. – Я же говорила, что не всегда можно понять Его замысел, но однажды истина откроется. Не гневи Отца, принимай его дары с благодарностью, и Его милость останется с тобой и впредь.

– А учить ты меня будешь? Что сказал Белый Дух об этом?

– Всему свое время, Ашити. Я расскажу тебе о травах и отварах, остальное, если пожелаешь душой. У каждого есть выбор, время твоего еще не настало. Отец велел не спешить.

– И когда успел? – проворчала я себе под нос.

– Он ведь Создатель, – лукаво улыбнулась Ашит.

Мы приблизились к нашему дому, и стая рырхов отстала. Я вздохнула с облегчением и поспешила скрыться за надежной дверью. Позже, когда мы сидели за столом, я задала по-

следний мучавший меня вопрос:

– Я и вправду видела его, Ашит?

– Если веришь своим глазам, то зачем спрашиваешь? – усмехнулась шаманка.

– Он так красив, – вздохнула я. – Невероятно красив. На нем была корона...

– Что такое – корона? – с интересом спросила Ашит.

– То, что надето на голове Белого Духа, – ответила я, глядя на нее с удивлением. – Разве ты не видела?

– У Него много лиц, – улыбнулась женщина. – Каждый видит то, что хочет. Мне Он явился даже не человеком.

– Да? А кем?

– Это наша с Ним тайна, – ее улыбка снова стала лукавой, и я поняла, что не успокоюсь, пока не узнаю эту тайну.

Глава 3

Моя жизнь изменилась... Хотела бы я это сказать, но – нет. Ничего не изменилось, кроме того, что мои волосы стали белыми, как снег, и нового имени, которое мне даже нравилось. Не знаю, как звали меня раньше, но теперь я была Ашити – белокурая дочь шаманки Ашит. В остальном, жизнь текла по-прежнему размеренно и однообразно.

Впрочем, я кривлю душой, когда говорю это, потому что теперь мы разговаривали с моей названной матерью. Не так, как раньше, когда мне приходилось додумывать смысл. Я, наконец, начала понимать каждое ее слово, и речь Ашит изменилась. Она больше не говорила короткими фразами, стараясь употреблять слова, которые я успела выучить. Наши беседы стали походить на полноводную реку, чьи неукротимые воды, омывая берега, бегут к своему руслу, чтобы наполнить его и слиться в единое целое, не позволяя оскудеть.

Таким руслом была я, и Ашит щедро вливала в меня знания о новом доме. Она рассказывала мне легенды, сказки и истории, из которых я черпала необходимые сведения о порядках и укладе жизни в человеческих поселениях. Об их иерархии, о законах и наказаниях. И это было странное сплетение строгости и свободы нравов. Например, девушки не обязаны были блюсти свою невинность для супруга. Близкие отношения не порицались, и на них смотрели спокойно.

Лишь бы девушка вошла в ту пору, когда ее считали взрослой. И пусть я не помнила законов своей земли, но внутреннее изумление подсказало, что для меня это неправильно. Однако спорить и негодовать я не стала, просто приняла, как данность.

А вот измена в браке каралась строго. Блудницу изгоняли на край поселения, лишая ее права участия в жизни общины. Она не получала пропитания, не имела права приближаться к своим родным... да они и сами переставали ее замечать. Женщина превращалась в призрак. И если она приближалась к домам, то односельчане имели право гнать ее прочь камнями и палками. Выжить такая изгнанница могла, лишь став прислугой и полностью вручив свою жизнь хозяевам. Тогда она могла надеяться на то, что будет одета и накормлена, но о новой семье уже мечтать не смела.

Что до мужа-блудника, то его не гнали, его привязывали к столбу за пределами поселения на пять дней. Если тому посчастливилось, и бедолагу-сластолюбца не сожрал дикий зверь, если он не умер от истощения, то гулену возвращали в поселение, и он был обязан заплатить жене и ее семье за нанесенное оскорбление. Впрочем, зимой старались брать плату перед наказанием, потом было поздно: мороз и звери делали свое дело быстро.

– Верность – добродетель, – важно кивнула я, однако Ашит не поняла последнего слова, произнесенного на моем родном языке. Подумав, я чуть переиначила свою фразу: –

Верность – это важно.

– Истинно, Ашити, – одобрила шаманка.

Законы у здешних обитателей были так же суровы, как и их земля. И мне как-то предстояло здесь выжить. Хотя оставалась та же возможность перенять у названной матери ремесло шамана, и тогда я должна была оказаться вне законов в поселениях. Правда, это не избавляло от законов Белого Духа, а в его существовании я уже имела честь убедиться лично. И они были еще суровей, чем у его детей. Шаман, нарушивший их, умирал в страшных муках, если не успевал найти себе иного покровителя, а такие тут тоже имелись. Но, как сказала Ашит, месть отступнику никто не отменял. Создатель не прощал предательства. А если Отец не умеет прощать, то откуда взять это искусство его детям?

– И куда я попала? – с тоской иногда вопрошала я себя, но тут же отмахивалась от сожалений. Что в них толку, если уже ничего не изменишь?

Ашит выполнила обещание, она начала знакомить меня с травами, которые имелись у нее в изобилии. Рассказывала, какая от чего лечит, и как правильно ее собирать. Я слушала, кивала и понимала, что почти ничего не могу запомнить, потому что моя голова была занята вовсе не травами. Я не была уверена, что хочу одинокой жизни шаманки. Татуировка на лице была сущей мелочью в сравнении с существованием отшельника, судьба которого в служении Белому Духу. Его мир на моих плечах казался ношей, которую я не желала

нести. Потому я готова была признать справедливость слов своей матери насчет обучения – душой я к этому была не готова.

Она, словно читая мои мысли, одобрительно кивала головой и продолжала рассказывать свои истории, знакомя с обитателями земель Белого Духа. Так и протекали день за днем. Даже с Урушем я теперь мало играла, к нашему с ним сожалению, просто времени на забавы почти не оставалось. Моя мать учила меня готовить, рассказывала об узорах на одежде, и что они означают. Это было важно, потому что цвета и элементы узора были сродни паспорту. Глядя на одежду можно было понять, откуда человек родом и какое положение в обществе занимает. Из всего этого я сделала вывод – больше прятать меня не будут. Это даже принесло некоторое волнение и предвкушение от встречи с кем-то, кроме Ашит.

Однако дни чередовали один другой, а к нам никто не спешил прийти, ни за советом, ни за помощью. А сама шаманка никуда не выбиралась – ей это было не нужно. Ее кладовые были полны, а для общения появилась я, хотя уверена, что и без меня она бы не страдала от одиночества. А вот мне ее одной уже было мало...

Но было еще кое-что новое – сны. В них начал появляться смысл. Они уже не казались мне метелью, сводившей с ума хаосом образов. Рваные клочья видений вдруг превратились в картинки, которые можно было рассмотреть и вникнуть в то, что они мне показывают. И пусть пока это были лица, ка-

завшиися смутно знакомыми, какие-то места, где я, кажется, бывала, но они были ценны уже тем, что давали надежду на то, что однажды я пойму, кем являюсь, и что произошло со мной. И я благодарила Белого Духа за то, что услышал мою просьбу, потому что первый такой сон я увидела в первую же ночь после того, как мы побывали в его пещере. Сон-воспоминание и сегодня решил побаловать меня новым образом...

– Да быстрее же ты, копуша, – ворчала черноволосая девушка, сердито смотревшая на меня.

– Успеем, – ответила я, пожав плечами.

После обернулась к большому напольному зеркалу, отразившему девушку с волосами, похожими на пламя. Она самодовольно улыбнулась, рассматривая себя – девушка была прелестна. Ее ресницы и брови были темными, и это делало черты лица четче и ярче, несмотря на цвет ее волос. Ярко-зеленые глаза светились лукавством, и губы приоткрылись в улыбке, явив ровные белоснежные зубы.

– Какая же ты все-таки красивая, – вздохнула черноволосая девушка. – Если не будешь глупой, то сможешь удачно выйти замуж и получить всё, что захочешь.

Девушка в отражении чуть сузила глаза и едва заметно хмыкнула. Не над той, что стояла за ее плечом, но над ее словами, потому что думала она совсем иначе...

– Ашити, оденься.

Приказ, прервавший мой сон, прозвучал неожиданно, разорвав нить узнавания того, что явила ночная греза. Я испытала легкое раздражение, но села на лежанке, спустила ноги на пол и потревожила турыма. Он легонько цапнул меня за щиколотку, но боли не причинил, а я не обратила на него внимания.

– Что случилось, мама? – спросила я, потеряв глаза.

– Оденься, – повторила она. – Мне будет нужна твоя помощь.

В это мгновение даже померкли мысли о коротком сновидении, потому что теперь я изнывала от любопытства. Я видела, как она надевает ритуальные одежды, но никак не могла понять – для чего. Однако расспрашивать не стала. За то время, что жила с шаманкой, я привыкла слушаться ее, потому вскоре стояла перед Ашит, готовая делать то, что она скажет.

– Набери снега, раздуй очаг и вскипяти воду, – велела шаманка.

– Что случилось? – с вдруг объявившейся тревогой спросила я, схватив металлические ведра.

– Я чую запах крови, и он всё ближе, – ответила Ашит. – Поспеши, дочка.

Это напугало. Однако медлить я себе не позволила и направилась на улицу, где уже всюю завывала метель. Уруш выскочил следом за мной, и это придало немного уверенно-

сти. Я благодарно взглянула на зверя и шагнула за порог, а в следующую минуту охнула, ослепленная белой завесой.

Ледяной ветер едва не сбил с ног – метель брала своё. Это было ее время, и человеку не стоило выбираться за пределы теплого жилища. Дышать в этой круговерти оказалось тяжело. Мне чудилось, что мои легкие покрылись коркой льда всего за долю мгновения. Но напугало другое – я не увидела турыма.

– Уруш, – просипела я. – Уруш, ты где?

Он не отозвался. Почти задохнувшись, я все-таки набрала снег в ведра и повернула назад. Ветер, словно взбесившийся пес, налетел на меня и отогнал от порога. Нагнувшись, я упрямо зашагала к двери, но ветер вновь и вновь отталкивал назад. Меня било крупной дрожью от холода. Паника, уже зародившаяся в душе, разрасталась с каждым новым мгновением.

– Мама! – закричала я, в отчаянной попытке бросившись к двери, и она открылась.

Ашит поймала меня за шиворот и втянула в дом. Сила у нее была совсем не старушечья. Шаманка, несмотря на видимую дряхлость, была женщиной крепкой. Она забрала у меня ведра, а я опять взялась за ручку, собираясь вернуться на улицу.

– Куда?! – строго рявкнула Ашит.

– Там Уруш, – ответила я хрипло.

– Никуда он не денется, – отмахнулась шаманка. – Турым

не боится метели. Скоро сам придет. Раздевайся, сейчас дам отвар. Согреешься и вернешь себе силы.

Я еще немного постояла у двери, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за нее в надежде, что Уруш поскребется, просясь домой. Однако ничего, кроме воя ветра, я так и не услышала.

– Ашити.

Вздохнув, я сняла теплую шубу и прошла к очагу. Шаманка сунула мне в руки деревянную кружку с отваром и велела:

– Выпей всё. Он горький, пей сразу.

И пока я давилась снадобьем, Ашит вернулась к своим приготовлениям. Я посматривала на нее, но продолжала ждать турыма. Даже то неведомое, ради чего мы встали посреди ночи, отошло назад, уступив место тревоге за моего любимца. Бросив на меня взгляд, Ашит что-то проворчала и направилась к двери. Она открыла ее и гаркнула, перекрыв рев ветра:

– Уруш!

И в дом вкатился снежный комок, сверкая бусинами довольных глаз. Он стряхнул снег на Ашит, а затем помчался ко мне. Налетел, едва не сбив со скамейки, и отскочил от нового окрика хозяйки.

– Успокоилась? – строго спросила Ашит.

– Да, – кивнула я, после, потянувшись, потрепала турыма и погрозила ему пальцем: – Ты меня напугал. Как тебе не совестно?

Не знаю, насколько турымам бывает стыдно и бывает ли вообще, но Урушу это чувство явно было незнакомо. Он снова встряхнулся, обдав меня брызгами растаявшего снега, и ушел к лежанке, кажется, собираясь спать дальше. Я тихонечко позавидовала ему, потому что борьба с ветром вымотала меня всего за несколько минут, а снадобье еще не начало действовать. И я скрыла зевок за тыльной стороной ладони, памятуя из прошлой жизни, что распахивать зев при наличии чужих глаз неприлично.

– Уже близко, – произнесла вдруг Ашит. – Как много крови... Ох... Смерть идет по пятам. Если не поторопятся, она настигнет.

– Кого? – я обернулась к шаманке.

– Танияр ранен, его кровь. Я чую.

– Кто такой Танияр?

– Уйди, – вместо ответа велела мать. – Уйди, Ашити. Позову.

Насупившись и ворча себе под нос, я ушла в умывальню. Там уселась на пол и закрыла глаза, решив, последовать примеру турыма. Однако зелье и стук в дверь заставили меня вскинуть голову и прислушаться.

– Кладите сюда, – велела Ашит. – И уходите.

– Мы должны знать... – начал неизвестный мне мужчина, но шаманка прервала:

– Узнаешь, когда наступит день. Сейчас идите, Смерть почти нагнала его. Уходите!

И больше никто не спорил. Я слышала шаги нескольких человек, затем скрипнула дверь, сделав на мгновение громче вой ветра, а после снова закрылась, и в доме воцарилась тишина. Ненадолго. Дальше зазвучал хот. Его глухие мерные удары показались мне ударами сердца. Бум... бум... бум... Обряд начался.

Я сидела, прижавшись спиной к стене, и слушала тихий монотонный напев Ашит. Слов было не разобрать, но они и не предназначались для меня. Моя названная мать говорила с Белым Духом, вымаливая у него жизнь для мужчины, который истекал кровью. И только удары хотя продолжали оставаться самыми четкими и понятными звуками. Бум. Бум. Бум.

Снаружи продолжал завывать ветер. Он поднимал с земли снег, кружил его в стремительном вихре и снова кидал на землю. Холод, словно громадный коварный змей, полз по стылой земле, отыскивая себе жертву, чтобы накинуться на нее, поглотить и заморозить в своей ненасытной утробе. А где-то там, в этом снежном безумии, шли люди. В их сердцах была тревога за того, кто сейчас лежал в доме шаманки. И Смерть была всё еще где-то поблизости. Но куда она пойдет после того, как Ашит отнимет ее добычу? Быть может, за одним из мужчин, спешивших вернуться в поселение? Или же змей Холод опередит ее и заберет себе тепло живой плоти?

Прикрыв глаза, я облизала вдруг пересохшие губы и начала раскачиваться под звук ударов в хот. Бум. Бум. Бум.

– Беги, охотник, беги, пока не стал дичью, – прошептала я, представляя тех, кто сейчас боролся с обезумевшим ветром.

Не знаю, что говорила Белому Духу Ашит, я по-прежнему не разбирала ее слов, но мотив уловила и теперь мычала его себе под нос, всё более уходя от реальности, жившей своей таинственной жизнью за стенами лихура. Я перестала думать о людях, оставленных в царстве снега и холода, их образы скрыла от меня белая пелена. И о раненом я тоже не думала, ему принадлежали мысли шаманки. И даже к Белому Духу я не зывала, у него сейчас были иные заботы. Я просто плыла по реке из звуков, растворялась в метели, бушевавшей снаружи, таяла, как снег, занесенный на ногах в теплое жилище...

– Ашити...

Я разлепила отяжелевшие веки и короткое мгновение смотрела в пронзительные глаза, склонившегося надо мной мужчины. Губы его приоткрылись, и я услышала голос, больше похожий на шелест:

– Ашити...

И в этом мгновение я охнула, вдруг осознав, что уже однажды видела это восхитительное лицо. Я моргнула и... очнулась на полу лихура. Никого рядом не было, кроме турыма, уткнувшегося во сне носом мне в бедро. Не знаю, когда он пришел, я не слышала. Я погладила его по еще влажным кудряшкам, и Уруш, издав звук, похожий на тихий скрип, перевернулся брюхом кверху.

– Ашити. Иди ко мне, Ашити.

Это был не Дух, и не греза – меня звала шаманка. Может, и до этого тоже звала, а Создатель мне просто привиделся. Наверное, так... Но это было настолько реально, что полной уверенности так и не появилось. Однако эти мысли я откинула, потому что была нужна своей матери. И я поспешила туда, где меня ждали. А перешагнув порог единственной жилой комнаты и застыла, не в силах отвести взора от того, кто лежал на окровавленном полотнище, окутанный терпким ароматом тлевшей травы в закопченной плошке.

– Подойди, – велела Ашит. – Возьми таз с теплой водой, налей туда отвар из кувшина и возьми ткань со стола. Еще нож. Я хочу, чтобы ты срезала с него одежду и обтерла.

– Х... хорошо, – запнувшись, ответила я и ощутила, как горло сдавило спазмом.

Прикасаться к израненному телу было страшно и, не скажу, что эта мысль меня обрадовала. Смотреть на раны совсем не хотелось.

– Ашити, время уходит, помоги мне.

Я снова посмотрела на названную мать и направилась к очагу, где в подвешенном на крюк котелке, нагрелась вода. Выполнив всё, что велела шаманка, я вернулась к мужчине, чьи волосы были бы такими же белоснежными, как у меня, если бы пряди не почернели от пропитавшей их крови.

– Срежь с него одежду, – намного мягче, чем раньше, произнесла Ашит. – Срезай осторожно, но не медли. Я с трудом

удерживаю его душу. Помоги мне, дочь.

И я принялась за дело. С одеждой я справилась быстро, это оказалось не так сложно, и не настолько противно, как мне думалось. Ашит вновь ударила в хот и неспешно пошла по кругу. От каждого ее шага костяные пластины, нашитые на головной убор, тихонько постукивали друг о друга, и это отвлекло от мыслей о ранах. И обмывать раненого я начала для того, чтобы избавиться от тошнотворного запаха крови. Он витал в воздухе, перебивая аромат трав. Подавлял и вселял первобытный ужас перед смертью.

Шаманка продолжала свою монотонную песнь, но, даже оказавшись рядом, я не понимала того, что она говорит. Язык был иным, и я была уверена, что он намного древней того, на котором мы разговариваем. Язык духов, так сказала однажды Ашит, когда я спросила ее, как она беседует с Создателем. И теперь я знала как.

Смочив тряпку, я коснулась ею мужского лица. Бережно провела по щеке, затем по второй и замерла, рассматривая Танияра, о котором не знала ровным счетом ничего, кроме того, что он умирал у меня на глазах. Он был молод, крепок и бледен до синевы. Невозможно было понять, хорош он собой, или нет. Мужчина тяжело дышал, хрипло и прерывисто. Казалось, еще мгновение, и его грудь замрет, больше не в силах принимать в себя воздух.

– Танияр, – прошептала я, смакуя его имя.

Веки его дрогнули, и взгляд мутных глаз остановился на

мне. Я некоторое время смотрела на него, после протянула руку, поддавшись порыву, провела ладонью по щеке и охнула, когда он сжал мое запястье. Рука Танияра оказалась неожиданно сильной для того, кто стоял в шаге от края могилы. Он не позволил мне убрать ладонь, и она осталась прижатой к его лицу.

– Кто ты? – хрипло спросил мужчина.

– Ашити, – ответила я.

– Ашити... – повторил Танияр, и пальцы его разжались.

Рука, ослабев, скользнула на пол и больше не поднималась. Глаза закатились, веки смежились, и я даже вздохнула с облегчением. После этого снова смочила тряпку и продолжила свое дело, время от времени поглядывая на лицо мужчины, однако глаза его больше не открывались.

– Я поменяю воду, – сказала я шаманке, но она меня не услышала, продолжая свое пение.

Раненый так больше и не очнулся. Но кровотечение прекратилось неожиданно, и раны начали затягиваться. Вот так, прямо на моих глазах, они стали заметно меньше. Я даже помотала головой, думая, что это усталость сыграла со мной злую шутку. Однако зрение меня не обмануло. Страшные раны не стали выглядеть приятней, но ощущение, что исцеление идет, было столь явным, что не заметить его было невозможно. А к исходу ночи дыхание Танияра стало более ровным.

– Хвала Создателю, – сипло произнесла Ашит. Она опу-

стила хот и судорожно вздохнула. – Смерть ушла.

Шаманка была измотана, и я поспешила к ней, чтобы отвести к скамье и усадить.

– Рано, – она отвела от себя мои руки. – Нужно закрыть раны.

– Что мне сделать? – спросила я.

– Я сама, – сказала Ашит и направилась к своим горшкам, в которых хранила готовые снадобья.

Она зачерпнула из одного, затем из другого и смешала буро-зеленую кашу. После, покачиваясь, подошла к раненому и, присев, какое-то время занималась им, не позволяя помочь ей. Я стояла за ее плечом и слушала, как шаманка что-то нашептывая, смазывает рану за раной. Затем накрыла мужчину большим куском белой ткани и протянула руку, наконец, позволив приблизиться.

– Тебе плохо, мама, – с тревогой сказала я, глядя в разом осунувшееся и посеревшее лицо.

– Ушло много сил, – сказала Ашит и зевнула, не прикрыв рта, но на это я не обратила внимания. – Я стала слишком стара, а Смерть сильна, как и прежде.

– Тебе надо отдохнуть. Скажи, что делать, и я буду приглядывать за ним, пока ты спишь.

Шаманка некоторое время смотрела на меня, а затем кивнула:

– Хорошо, Ашити. Будь с ним рядом. Я расскажу, что надо делать.

А вскоре она легла и уснула, наверное, даже раньше, чем коснулась головой свернутой шкуры, заменявшей подушку. Я укрыла Ашит, поправила седую прядь, упавшую женщине на лицо, и отошла к окну. Метель уже затихала. Она не оставила ни единого следа тех, кто приходил ночью. Двор устилал ровный слой снега. А вместе с метелью отступала и ночь.

Серый сумрак разлился за стенами дома, словно кто-то выплеснул из огромного ведра грязную воду, и теперь она стекала по окошку, туманя взор. Сцедив зевок в ладонь, я поднялась со своего места, взяла еще один кусок ткани: зеленый, с затейливой вышивкой – и направилась к двери. Приоткрыв ее, я перекинула сверху ткань, дверь закрыла и вернулась к окну – это мне велела сделать Ашит, когда ветер уляжется.

– Они будут знать, что Танияр жив, – пояснила шаманка. – Им этого хватит, чтобы отнести добрую весть его брату.

И сейчас я ждала, когда появится гонец, чтобы посмотреть, вывешен ли знак, и какой. Красное полотно означало, что раненый умер, а голая дверь – исход пока неясен.

– Ашити...

Я порывисто обернулась, но никого за спиной не было.

– Создатель? – спросила я пустоту, однако ответа не было.

– Ашити...

Я отошла от окна и присела рядом с мужчиной. Его глаза были приоткрыты. Склонившись над ним, я встретила взглядом с Танияром, и он прошептал:

– Не показалось.

– Спи, – тихо велела я, и он закрыл глаза.

А потом я почувствовала касание. Его рука сжала мое запястье. Танияр затих, и я попыталась освободить свою руку, но хватка еще недавно умиравшего мужчины оказалась железной.

– Просто восхитительно, – проворчала я.

Время шло, капкан, в который я угодила, не слабел. А потом я уронила голову на грудь, вскинулась, попыталась бороться со сном, но проиграла и вытянулась рядом с раненым.

– Просто немного полежу, – решила я и провалилась в сон.

Глава 4

Я проснулась от негромкого позвякивания посуды... Нет, не так. Позвякивание я слышала не сразу. Сначала было громкое сопение, затем я ощутила прикосновение чего-то горячего и влажного, а уже затем была посуда. Открыв глаза, я уставилась в черные глаз турыма. Он снова лизнул мою щеку и недовольно заворчал, глядя за меня. Я повернула голову и посмотрела на мужской профиль. Уруш заворчал на порядок громче, и Ашит, обозначив свое присутствие, замахнулась на него.

Я перевела взгляд на нее. Шаманка уже возилась у очага.

– Доброе утро, мама, – хрипло со сна сказала я. – Тебе лучше?

– Лучше, – улыбнулась она. – Ты можешь встать. Он уже просто спит, потому не удерживает тебя рядом.

Приподнявшись на локте, я поняла, что меня и вправду уже не держат в капкане сильных пальцев. И все-таки я не ушла сразу. Сев, я скрестила ноги и с интересом посмотрела на Танияра при дневном свете, щедро лившемся в окно.

– Мы так мало спали? – спросила я, не отрывая взгляда от нашего пациента.

Теперь грудь его поднималась ровно, дыхание было спокойным и глубоким. Исчезли хриплые рваные вздохи, и бледность не отдавала уже синевой. Искривленные болью

черты, разгладились. Я подалась вперед и нависла над раненым воином, упершись ладонями по обе стороны от его головы.

– А ты вовсе недурен собой, – шепотом отметила я, прослушав ответ Ашит. – Не так хорош, как Белый Дух, но весьма недурен.

– Ашити, – недовольный голос шаманки вырвал меня из созерцания.

– А? – рассеянно спросила я.

– Оставь его дочка, – велела Ашит. – Внимание женщины мужчина может принять за призыв. Наши мужчины не те, с кем стоит играть. Хватит того, что ты стала для него огоньком, который помог найти путь во тьме.

– Что?

Я тут же потеряла интерес к раненому. Шаманка как-то удрученно покачала головой и вернулась к готовке.

– Мы проспали целый день и ночь, – сказала она, не обернувшись, – это новый день. Ритуал забирает много сил, поэтому шаман вывешивает ахтон. Его не должны беспокоить, даже если он не сумел вырвать душу у смерти.

– Ты сказала, что я стала огнем, на который он вернулся, – напомнила я, не желая оставлять свой вопрос без пояснений. Теперь меня мало волновало, сколько времени мы проспали, мне нужно было услышать другое. – Что ты хотела сказать этим, мама?

Ашит отложила ложку, которой мешала варево в котелке

и обернулась. Ее взгляд стал чуть насмешливым, таким, каким смотрят на несмысленное любопытное дитя, и женщина ответила:

– Я отогнала смерть, Ашити, но вернула Танияра ты, когда позвала его. Тебе нужно было просто избавиться от одежды и крови, но ты стала частью ритуала. Ты назвала его имя, он услышал и вернулся на твой зов.

– То есть я теперь тоже шаманка?

– Нет, – Ашит негромко рассмеялась. – Ты не шаманка, но ты смогла войти в ритуал. Не понимаю, как это вышло, но ты поделила со мной то, что делала я одна.

И мне вдруг вспомнилось, как я слушала стук хота и голос шаманки, а еще завывание ветра. Как я, раскачиваясь, погрузилась в странное состояние, похожее на сон, и мне явился Белый Дух. Он позвал меня...

– Ох, – прерывисто вздохнула я, кажется, догадываясь, как я стала из стороннего свидетеля участником действия. – Белый Дух заставил меня очнуться, а потом позвала ты...

Ашит некоторое время смотрела на меня в молчании, а затем кивнула, приняв то, что я сказала, и единственное, что произнесла моя мать, было:

– На всё воля Создателя.

Вот и всё. Ни гнева, ни удивления, ни одобрения. Она просто приняла волю Белого Духа, если таковая и вправду была. Ашит вернулась к своему вареву, а я еще некоторое время смотрела ей в спину, раздумывая над тем, что мне бы-

ло позволено принять участие в ритуале, который недоступен взору простого смертного. Даже больше, меня пригласили в нем поучаствовать. Означает ли это, что Создатель одарил меня своим доверием, или это какое-то испытание, уготованное мне хозяином ледяных земель? Быть может, это откроет передо мной дорогу домой?

Мотнув головой, я откинула эту мысль. Нужно прежде вспомнить мой прошлый дом и понять, почему я оказалась в холодной пещере в одной сорочке, не зная даже своего имени. Возможно, дома меня ждет враг...

– Возможно, – прошептала я и поднялась на ноги.

Мой задумчивый взгляд опустился вниз, и я в последний раз посмотрела на мужчину, краем сознания отметив, что Танияр и вправду недурен собой. А еще в нем ощущалась сила. Это было странное животное чувство, больше инстинктивное, чем основанное на каких-то наблюдениях и выводах. Для последних не было оснований. Кроме того, что он удерживал меня рядом мертвой хваткой даже в бессознательном состоянии, в остальном я этого человека совершенно не знала, даже кто он такой, и какому роду принадлежал. И хотелось познать эту внутреннюю мощь, прикоснуться к ней, насытиться. А еще хотелось держаться от него подальше, по той же причине...

– Ашити.

Я посмотрела на шаманку, кивнула на ее укоризненный взгляд и отправилась приводить себя в порядок. Впереди

был еще один день, и я нацарапала на своем полене сразу две черточки, потому что предыдущий день я попросту проспала, но он был и миновал в вечность, оставив о себе память зеленым полотном на двери дома моей названной матери. День благой вести и радости для тех, кто ждал исхода ритуала.

Уруш увязался за мной в лихур, но я, строго погрозив ему, оставила турума за кожаной занавесью. Зверь закрипел, выражая неодобрение, но послушно уселся на пол и приготовился ждать, когда я буду готова обратить на него внимание. А мне было не до него. Что-то смутное туманило сознание.

– Что же такое... – проворчала я, раздеваясь.

После шагнула в горячую воду, над которой вился ароматный парок, и закрыла глаза. Я думала о Танияре, даже не о нем, а о том, что ощутила в нем. И это ощущение было мне в чем-то знакомым...

Он стоял на дорожке, ведущей к искусственному пруду, где сейчас собрались гости, приглашенные на праздник. Его ждали, готовились с особым тщанием. Прислуга стоптала ноги, спеша выполнить тысячу приказаний своих хозяев. Дом еще никогда не был так чист и наряден, как в эти дни. И сейчас все собрались там, куда он должен был выйти прямо от въездных ворот, но...

Он стоял и смотрел. На меня. А я смотрела на него, изучая того, чей приезд устроил настоящий переполох. Он не был высок, не казался крепким, но внутренняя сила ощущалась

так ярко, что я даже затаила дыхание и опустила глаза под прямым взглядом, направленным в мою сторону. В нем была властность, как в человеке, привыкшем к тому, что его приказы исполняются неукоснительно. А еще в нем совершенно не было красоты, но она ему и не была нужна. Резкость черт только еще больше усиливало желание склонить в почтении голову. Хищник в человеческом обличье, и он был мне нужен...

– Ох, – хрипло вздохнула я, очнувшись от своей грезы.

Перед внутренним взором стоял мужчина из видения. Я не помнила, кем он был, и как его звали, но могла теперь в точности воспроизвести в памяти его образ: от черных, словно ночная темнота, волос, до носков начищенных до блеска щегольских туфель. И это я тоже вспомнила. Его глаза были голубыми, как полуденное небо в ясный день, а голос... голос низким, с легкой хрипотцой, завораживавшей и пугавшей – всё зависело от того, что и кому он говорил. Но я этого мужчину не боялась.

– Муж? – спросила я саму себя и не нашла ответа. Протяжно вздохнув, я проворчала: – Проклятое беспамятство. – Однако опомнилась и даже склонила голову, обратившись к Создателю: – Благодарю.

Когда я закончила омовение, оделась и вышла, Ашит сидела за столом. Она указала мне на миску, ждавшую моего появления, и я, кивнув, направилась к своему месту. Уже

усевшись, я перевела взгляд на Танияра и спросила:

– Кто он такой? Откуда? Что с ним произошло?

– Твои мысли о другом мужчине, – заметила шаманка. – Я вижу.

– Да, – кивнула я, не став спорить. – Я вспомнила его. Кем бы он ни был, я хорошо его знала. Чувствую.

– Всему свое время, – философски ответила Ашит и снова указала взглядом на миску: – Ешь.

Мы завтракали в молчании. Я еще какое-то время думала о темноволосом мужчине, но так толком ни до чего и не додумалась. И все-таки это было первое воспоминание, которое пришло не во сне. Это давало надежду, что теперь видения из прошлого станут посещать меня чаще. Было бы неплохо. Жить с белой пеленой в голове, мне не нравилось.

Я вдруг усмехнулась невольной аналогии. Это словно и вправду ночная метель промчалась в моем сознании, скрыв следы прошлого.

– Танияр – брат каана Архама, – вдруг заговорила Ашит. Я посмотрела на нее, разом забыв о своих размышлениях. По рассказам шаманки я уже знала, что кааном называют главу общины. – Таган Архама – Зеленые земли, – продолжала рассказывать мне мать. – Хорошие земли, многие смотрят на них с жадностью. Летом там богатые пастбища. Танияр – первый помощник своему брату и его лучший воин.

– Приближенный правителя, правая рука, – машинально отметила я и бросила взгляд на раненого. – Когда он

проснется?

– Когда завоет ветер, – ответила Ашит, наблюдавшая за мной. – Ты любишь силу, Ашити.

– Сила привлекает, – я пожала плечами. – Но меня привлекает не сила в руках, а вот здесь, – я постучала кончиком пальца по виску. – Вот, что завораживает по-настоящему – ум.

– Ум и сила – это могущество, – улыбнулась шаманка. – Натопи побольше снега, Танияру нужно будет помыться.

– Хорошо, мама, – кивнула я и встала из-за стола.

День промчался незаметно, но не хозяйственные заботы украли у меня часы жизни, истаявшие вместе с дневным светом. Время пожрало мое сознание, теперь стремившееся вернуть утраченное воспоминание, связанное с черноволосым мужчиной. Он был таким же мостиком в прошлое, как и девушка, ждавшая меня... когда? Быть может, перед его появлением? Что за праздник царил в том доме, на дорожке перед которым мы встретились с властным незнакомцем? Это ведь мог быть тот же самый день. И дом тоже мог быть моим.

– Кто я? – спросила я у огня, когда наступил вечер.

Я сидела перед очагом и смотрела в его жаркую сердцевину, страдая от досады и раздражения. От бесконечных размышлений у меня разболелась голова, что не добавило мне доброго расположения духа. Я мучительно покривилась, потеряла виски и вздрогнула, когда передо мной появилась стар-

ческая рука, державшая глиняный стакан.

– Выпей, – велела шаманка. – И не мучай себя. Наберись терпения и просто живи.

Ничего не ответив, я забрала у Ашит стакан, выпила его и, прикрыв глаза, откинулась на спинку стула. Живи... Наверное, так и вправду лучше. Почему я вцепилась в прошлое? Потому что оно – это я, и потому что однажды я могу вернуться... Куда? Это интересный вопрос. Как я попала в пещеру, да еще в одной рубашке? Меня привезли туда, раздели и оставили умирать от холода и зубов зверя, рычавшего во мраке? Тогда я должна была совершить нечто страшное, если мне уготовили столь жуткую смерть. Я – убийца?

Внутренний протест подсказал, что это не так. Хотя... Это я могу расценивать некий поступок, не как убийство, а к примеру – воздаяние. Я кому-то мстила, или мстили мне?

– Прекрати, – послышался голос Ашит.

Бросив на нее сердитый взгляд, я протяжно вздохнула и снова посмотрела в огонь. Он, как и прежде, не принес новых ответов на вопросы, которые множились так быстро, что я не успевала даже обдумать некоторые из них. Единственное, что я сейчас могла сказать о себе, что моя семья не из бедных, и что черноволосый мужчина – значимая фигура в том месте, где я жила еще не так давно. Я явно образована. А еще я не девица, в этом я была уверена. Но пока на этом мои выводы заканчивались.

За стенами дома пробудился ветер. Его вой стал мне так

же привычен, как треск поленьев в очаге, как плеск воды и звук чужого дыхания. И даже как мое имя, хоть его я получила позже, чем впервые услышала завывание метели.

– Ашити...

Я повернула голову и увидела, что раненый лежит, глядя в потолок широко распахнутыми глазами. Но позвал ли он меня, или просто мое имя сорвалось с его языка в момент возвращение в белоснежную реальность – я не могла бы сказать точно. Наверное, не сказал бы и сам Танияр. Он еще какое-то время не двигался, осознавая, где оказался, а после сел и повернул голову в мою сторону.

И вдруг я снова оказалась на ухоженной дорожке, только тот, кто глядел на меня сейчас, имел светлые волосы, и глаза его были не голубыми, а синими. Того насыщенного голубо-синего цвета, какой бывает у вечернего неба, когда небосвод темнеет в преддверии заката. И взгляд был пронзительным настолько, что казалось – он проникает под кожу, в самую душу. Завораживающие глаза...

Судорожно вздохнув, я все-таки чуть склонила голову и учтиво произнесла:

– С возвращением, Танияр. Создатель рад, что Его сын не отправился в Белую долину.

Он не ответил. В молчании продолжал сидеть и рассматривать меня. Я повела плечами, пытаясь сбросить оковы изучающего взгляда.

– Ашити, – позвала меня шаманка. – Подойди.

И мужчина, наконец, повернул голову к ней, отпустив меня из капкана. Он приложил ладонь к груди и склонил голову.

– Благодарю, Вещая.

– Благодарю Отца, – ответила шаманка. – На всё его милость и воля. Ашити.

– Я здесь, мама, – произнесла я, уже стоя напротив нее.

– Помоги.

Она наклонилась, взяла Танияра за руку, я хотела сделать то же самое с другой стороны, но он отодвинулся и отрицательно покачал головой.

– Я могу подняться сам.

– Ты еще слаб, Танияр, – возразила Ашит.

– Я встану сам, – твердо произнес мужчина и поднялся на ноги.

Теперь я могла оценить его рост в полной мере, и он был не маленьким. Черноволосый из моего воспоминания был едва выше плеча нашего раненого. Я бы не назвала Танияра мощным, но тело его было мускулистым. Глядя на него, можно было смело сказать, что мой новый знакомец обладает немалой физической силой, и у него нет времени проводить дни свои в лени и насыщении утробы.

Мой взгляд ошупал широкую мужскую грудь, опустился на плоский живот, затем на узкие бедра, и... я отвернулась, потому что Танияр был полностью обнажен. Той ночью, когда снимала с него одежду, я не обратила внимания на то,

что представляло моему взору, а сейчас ощутила, как к щекам прилила краска смущения. Но почувствовала стеснение, похоже, только я. Ашит была к мужской наготы равнодушна, ей на такое приходилось смотреть после многих исцеляющих ритуалов, а Танияру на то, что он стоит перед нами без одежды, кажется, было попросту плевать. А может, ему вообще было не до этого, потому что раненый оказался слишком самоуверен. Он был пока действительно слаб и поплатился за отказ от помощи, почти сразу пошатнувшись.

– Упрямый килим, – буркнула Ашит.

Шаманка подставила Танияру плечо и повела в сторону лихура. Меня она не звала, наверное, пожалев. Однако я нагнала их и подставила второе плечо раненому, но он на мое желание помочь внимания не обратил, однако и гнать меня никто не стал. Я шла рядом с Танияром и не слышала ни хриплого натужного дыхания моей матери, ни кряхтения, ни ворчания на тяжесть мужского тела. Кажется, она вовсе не замечала его веса, словно не была древней старухой. И от этого я еще больше ощущала свою уязвимость и зависимость. Это... раздражало.

Ашит сдвинула кожаную занавесь и ввела Танияра в умывальню. А я остановилась, не понимая, зачем иду за шаманкой и ее пациентом, они справлялись без моей помощи. Внутренний протест от осознания собственной никчемности в эту минуту был столь яростным, что ударила кулаком по деревянной стене...

– Ашити, иди сюда!

Я вздрогнула от окрика матери. Тряхнув волосами, я задавила раздражение и поспешила к шаманке. Танияр уже опустился в воду. Ашит стояла рядом с ним, но как только я появилась, она направилась к выходу.

– Помоги Танияру, – сказала мать. После взглянула мне в глаза и добавила: – Помни, что я говорила об играх.

Я кивнула и приблизилась к мужчине. Он сидел, закрыв глаза, и казалось, не обращал внимания на то, что происходило вокруг него. Прихватив всё, что мне должно было понадобиться, я присела у края углубления, заполненного водой. Зачерпнув ковшом воду из ведра, я аккуратно полила ею на Танияра. Он глаз не открыл. И лишь когда я провела пучком мыльной травы по его плечу, перехватил руку и посмотрел на меня.

– Я тебя помню, – сказал он, не сводя взгляда с моего лица. – Я помню тьму, в которой блуждал. А потом был огонь. Я протянул к нему руки, и тогда огонь обернулся женщиной, только волосы ее продолжали пылать. Это была ты. Я чувствовал твой жар, он согрел меня. А потом ты произнесла мое имя и взяла за руку.

– Это всего лишь сон, – ответила я с улыбкой, опустив взгляд на свою руку, всё еще сжатую сильными пальцами.

– Кто ты?

– Она – моя дочь, – шаманка вернулась в лихур.

Танияр отпустил меня и перевел на нее взгляд.

– У тебя не было дочери, – сказал он, а я поднялась на ноги, уступив свое место матери.

– Теперь есть, – сказала Ашит, и разговор прекратился.

Я еще какое-то время постояла в лихуре, но вскоре вышла, не услышав возражений. Шаманке я была не нужна, а смотреть на то, как она помогает Танияру смыть с себя остатки крови, пота и мази, я считала бессмысленным занятием. Вернувшись в жилую комнату, я рассеянно потрепала по голове Уруша и села к очагу. Мои мысли вернулись на прежний путь и побежали по кругу:

– Что же я сделала? Что я сделала такого, что привело меня в пещеру?

Пустота ответила молчанием. Интересно, сколько всего она могла бы поведать, если бы обладала даром слова? Усмехнувшись этой мысли, я прерывисто вздохнула и заставила себя не думать о прошлом. Это всё равно, что разговаривать с пустотой – совершенно бессмысленное занятие.

А вскоре вернулись Ашит и Танияр. Я обернулась на звук шагов и в удивлении приподняла брови. Воин шел самостоятельно, моя мать больше его не поддерживала. Походка еще была нетвердой, но ему уже не требовалась опора. Мужчина бросил на меня взгляд, однако в этот раз его не задержал. Он кивнул тому, что сказала ему шаманка, и направился к лавке, на которой стоял узел с одеждой. Его принесли еще вчера, пока мы спали, и оставили под дверью в кожаном чехле, который привязали к ступеням крыльца, чтобы метель не

унесла его.

Танияр скинул полотно, в которое был завернут. И вновь смутилась только я. Ашит подошла к воину, смазала раны и, перевязав их, велела:

– Одевайся.

– Мне нужна помощь, – ответил воин. – Пусть твоя дочь поможет мне одеться. Тебя, Вещая, просить и дальше быть мне служанкой, я не смею.

– Я не прислуживаю тебе, Танияр, – сухо ответила шаманка. – Я забочусь о тебе, как велит Белый Дух. Ашити, – вдруг обратилась она ко мне, – приберись в лихуре.

Признаться, я выдохнула с облегчением, потому что... потому что просьба раненого всколыхнуло волнение. И это был вовсе не страх перед мужской наготой, это было предвкушением. Да, я и вправду не была девицей.

– Хорошо, мама, – ответила я и поспешила исполнить ее повеление.

И уже выходя, я услышала слова, сказанные мужчиной:

– Ты оберегаешь ее, будто Ашити еще малое дитя.

– Она и есть дитя, – ответила шаманка. – Придет время, и она сделает выбор. Садись, я помогу тебе одеться.

– Сам, – сказал воин, и я, скрывшись за кожаной шторой умывальни, тихо рассмеялась.

Глава 5

Сон, еще мгновение назад лелеявший меня в своих объятиях, отступил. Я открыла глаза и некоторое время смотрела в потолок, раздумывая над очередным лоскутом на дырявом полотне моей памяти. Мне снился большой дом, богатый. Мой. Дом, в котором я провела свое детство и юность – это я поняла, как только оказалась в нем. Там не было людей, но я и не искала их. Бродила по коридорам, по лестницам, заглядывала в комнаты, узнавая их. Потом вышла на улицу и прошлась по саду, нашла беседку и некоторое время сидела там, рассматривая пруд.

После, осмотрев хозяйственные пристройки и домик при- вратника, я вышла за высокую литую ограду. Здесь меня окутал туман, за которым я лишь угадывала очертания других домов и деревьев. Только ветер летал вокруг меня, вороша волосы. Он не разгонял мутную пелену, лишь колыхал ее клубы и ни на миг не оставлял меня в одиночестве, став моим бесплотным сопровождением.

Наконец я добралась до реки, на берегу которой остановилась и некоторое время озиралась, но вновь не увидела ни единой живой души. Только лодка покачивалась в воде, привязанная к колышку, который не позволял ей уплыть. Отвязав лодку, я забралась в нее, и река понесла мое маленькое суденышко по своим неспешным волнам. Я стояла

и смотрела на силуэты, скрытые от меня стеной тумана, но так и не смогла опознать по смутным очертаниям хоть что-то. Лишь ветер оставался рядом со мной. Он толкал лодку, и она неспешно скользила по водной глади. Я подняла руку и ощутила легкое касание моего незримого спутника. После закрыла глаза, пытаясь понять, отчего на душе моей вдруг стало так спокойно, будто мою ладонь сжал добрый друг, а когда вновь их открыла, то оказалась в доме шаманки. Я проснулась.

– Благодарю, Отец, – прошептала я, как делала после каждого воспоминания, и поднялась со своей лежанки.

Я обулась, накинула на плечи одеяло и направилась к очагу, чтобы вновь затеплить почти угасший огонь. Мой взгляд остановился на раненом. Он спал на том же месте, где провел прошлую ночь. Только теперь под ним лежала толстая мягкая шкура, голова покоилась на мешке, набитом травами, чей запах продолжал исцелять воина, и он больше ничем не напоминал умирающего. Лицо его дышало умиротворением и здоровьем, и через два дня Танияр должен был покинуть нас.

Мне вдруг захотелось присесть рядом с ним, провести по щеке ладонью, поправить разметавшиеся волосы, но, тряхнув головой, я прошла мимо. Кажется, меня влекло к воину. А может, дело было в том, что он был вторым человеком в этом белом мире, с кем мне довелось разговаривать, и я была ему интересна. Наверное, я соскучилась по мужскому вни-

манию, по касаниям. А может просто видела в нем защиту. В любом случае, Ашит была права – я еще малое дитя, мое знакомство с новым домом не закончилось.

Подбросив на краснеющие угли несколько щепок, я раздула огонь и дала ему новую пищу, более основательную, чем щепки. После уселась рядом с очагом прямо на пол, подтянула к груди колени, обняла их и воззрилась в жаркую сердцевину, снова переживая свое путешествие в мир прошлого...

– Ты так часто ищешь у огня ответы, – услышала я голос шаманки и обернулась к ней, – но не он даст их тебе.

– Белый Дух послал мне сон, мама, – ответила я. – Я была дома.

– Я знаю, Ашити, – улыбнулась женщина и села в кресло рядом со мной. – Отец связал нас, пока ты познаешь себя, и я могу видеть твоими глазами. Потом нить ослабнет.

Она замолчала, и я отвернулась к огню. За окном еще царилась ночь, и метель с воем налетала в своей необузданной ярости на стены нашего маленького одинокого дома. Но тепло пламени отгоняло ее злобу, согревало и дарило уют.

– Мама, – позвала я, – расскажи мне про богов. Кто еще правит этим миром?

– Белый Дух, – строго ответила Ашит, однако быстро смягчилась и добавила: – Есть еще Духи, но не про всех стоит говорить в темноте. Об остальных я расскажу тебе днем.

– Я поняла, – кивнула я, чувствуя разочарование. Мне не хотелось, чтобы шаманка снова ложилась, и я осталась од-

на. – Мама, расскажи мне что-нибудь.

Ашит склонилась и провела по моей щеке сухой ладонью.

– Ложись, дочка, Белый Дух милостив, он исцелит душу добрым сном, – сказала она с улыбкой. – Теперь ты будешь спать спокойно.

Я кивнула. Сидеть в одиночестве не хотелось. Мысли об исчезнувшем прошлом утомляли и тревожили. Уж лучше и вправду лечь и послушать колыбельную, которую поет метель. Может, действительно засну и дам разуму отдых. Придя к этому решению, я поднялась на ноги и нечаянно задела бедром кресло, стоявшее рядом. Его скрип по полу показался оглушительным в тишине ночи. Я порывисто посмотрела на Танияра, но раненый даже не пошевелился.

– Сон-трава уносит так далеко, что даже Духи не докричатся сейчас до Танияра, – произнесла Ашит, и в глазах ее сверкнуло знакомое лукавство. – Пусть лучше бродит в долине сладких видений, чем по моему дому. – Я усмехнулась, поняв, о чем говорит шаманка. Она улыбнулась в ответ и посмотрела на воина. – Танияр – большой человек в тагане брата. Его дом богат, его уважают и боятся. Танияр силен и здесь, – она указала на свое плечо, – и здесь, – палец женщины переместился ко лбу. – Ты любишь силу, и ты смотришь на него с желанием.

Я тоже посмотрела на мужчину. Он, безусловно, привлекал меня. В нем было то, что заставляло сердце биться чаще. Танияр может дать мне защиту, но...

– Я не готова покинуть тебя, мама, – ответила я. – Этот мир хорошо мне знаком, но только внутри твоего дома, а за стенами он чужой. Я хочу узнать его лучше до того, как уйду отсюда. Танияр мне нравится, но не настолько, чтобы сменить крыло матери на плечо мужчины.

Шаманка потрепала меня щеке, она одобрила мои слова – я это видела.

– Я поняла тебя, Ашити. Да будет так.

На этом разговоры о раненом прекратились. Ашит вернулась на свою лежанку, и я, больше не медля, последовала ее примеру. Вновь улегшись, я закинула руки за голову и прислушалась к пению метели. И опять я мысленно вернулась к своему недавнему сну о родном доме. Он был большой и красивый, и парк тоже, и пруд. Но что за люди жили в нем? Какими были мои родители? Кто мне та черноволосая девушка? Наверное, сестра. А мужчина из парка?

– Хватит, – проворчала я себе под нос. – Надоело.

Из сумрака донесся тихий шорох, а после вздох. Неясное бормотание указало не того, кто дал о себе знать. Танияр. И мысли изменили свое направление. Теперь мне вспомнились его слова об огне, который оказался моими волосами. Любопытно... Выходит, Отец показал ему мой истинный облик? Или же в том мире забвения, где блуждал умирающий воин, невозможно скрыть правду? Очень любопытно. Надо бы спросить у Ашит, она, наверное, знает. Если расскажет, конечно. Она ведь упрямая, как килим... И кто такой это та-

инственный килим? Надо и это спросить...

Это было последней связной мыслью, а потом мой разум угас, и я погрузилась в сон.

– Танияр. Ты словно голодный рых вынюхиваешь добычу.

– Я просто хотел рассмотреть поближе, – ответил мужской голос.

– Вчера не насмотрелся?

– Нет. – А затем добавил совсем тихо, вряд ли обращаясь к шаманке: – У нее глаза, как молодое лето.

Я посмотрела из-под ресниц и успела увидеть удаляющуюся спину раненого. После снова смежила их, но тут же вновь распахнула глаза, поняв, что ночь уже закончилась. За окном было светло.

– Уруш, – сурово произнесла мать, и от лежанки теперь с тихим ворчанием отошел турым, ждавший моего пробуждения. Я решила пока «не просыпаться». Послушать, о чем еще будут говорить шаманка и ее гость, было невероятно любопытно.

– Откуда она? – в который раз задал этот вопрос Танияр. – Ведь не из тагана? Я хочу знать, вещая. Ответь.

– Ты смеешь приказывать мне, Танияр? – высокомерно спросила Ашит. – Кто ты, сын Вазама, чтобы приказывать той, чьими устами говорит Отец?

Не выдержав, я повернула голову и увидела, как Танияр опустился на одно колено и склонил голову:

– Прости, Вещая, я не желал тебя обидеть, – произнес он уважительно, но, как мне показалось, без особого раскаяния. Почтение, но не почитание... И я снова прикрыла глаза. – Я просто хочу узнать, откуда пришла Ашити.

– Она – дар Белого Духа, – ответила моя мать. – Ашити!

– Да, мама, – машинально отозвалась я и увидела, как она усмехнулась.

Решив не сдавать позиций, я села, потянулась и скрыла фальшивый зевок ладонью.

– Ох, уже день, – делано изумилась я. – Почему ты не разбудила меня раньше?

Теперь усмехнулась не только шаманка, на губах Танияра мелькнула едва приметная улыбка, кажется, меня разгадали. Ну и ладно. Откинув одеяло, я спустила ноги с лежанки.

– Танияр! – рывкнула Ашит. Воин, так и не вставший с колен, отвел от меня взгляд и поднял его на шаманку. – Принеси снега, – велела она.

Раненый распрямился и бросил на Вещую взгляд исподлобья.

– Скоро у тебя будет столько воды, что твой дом превратится в пруд и замерзнет, – ответил он. – В куске льда жить не сможешь.

– Белый Дух и тогда будет со мной, – с иронией возразила Ашит. – И Его дар тоже. Иди.

Танияр надел привезенную ему шубу, взял ведро и направился к двери, ворча себе под нос:

– Словно малое дитя. Было бы лето, еще и за орехами бы отправила.

Шаманка проводила воина насмешливым взглядом, затем обернулась ко мне и велела, указав на лихур:

– И ты иди.

После того, как я привела себя в порядок и поела, всё вернулось на свои места: мать указывала, я исполняла. Танияр переливал в бочки натоленный снег, потом наколот дрова и, взяв чурку, что-то вырезал, поглядывая на нас с Ашит время от времени, а потом совсем перестал обращать внимания, полностью уйдя в свое занятие. Только раз он оторвался от чурки, когда шаманка позвала его к столу, после вручила настой и велела выпить. Воин посмотрел на нее, кивнул и... отставил стакан в сторону, обещав выпить позже. Он вернулся к чурке, а Ашит покачала головой и, вздохнув, прошептала:

– Упрямый килим.

Она села за стол и взялась за кусок кожи, я присела напротив, не зная, чем еще заняться. Уруш улегся у моих ног. Он потыкал меня носом, зазывая играть, и я скосила глаза на Танияра. При нем не хотелось бегать по двору и визжать, как малое дитя, но и сидеть, томясь без дела, было тягостно. Воин по-прежнему был занят своей чуркой, кажется, совсем не замечая происходящего вокруг него.

Потом я поглядела на Ашит, но и она перестала обращать на меня внимание, поглощенная своим занятием. При воине мы мало разговаривали о моем новом доме. Открывать ко-

му-то, что я чужая здесь, ни моя мать, ни тем более я сама, не собирались. Выходит, и поговорить нам особо было не о чем. Так что единственный, кому до меня было дело, остался турым. А раз так, то я не могла обмануть доверие своего маленького кудрявого друга. И я поднялась из-за стола. Степенно приблизилась к двери, бросила вороватый взгляд на шаманку, затем и на воина. Оба поглядели на меня, но останавливать не стали. И я, подхватив шубу, позвала:

– Уруш! – а потом вышла из дома вместе со счастливым до невозможности турымом.

На улице мы с Урушем остановились. Я снова обернулась, задумчиво посмотрела на окно и решила, что дурачиться я все-таки буду вне мужского поля зрения. И мы свернули за угол дома. Я слепила снежный комок, подняла руку, чтобы бросить его туриму, да так и застыла с поднятой вверх рукой.

Мне пришла в голову совершенно неожиданная мысль – как танцуют в Белых землях? Какие песни поют? На каких инструментах играют? Мать рассказывала мне много историй и сказок, но никогда не пела песен, которые были в ходу среди обитателей таганов. И теперь мне показалось это досадным упущением. Вопросов становилось всё больше, и я неожиданно осознала, что впервые почувствовала интерес к своему новому дому. Не ради выживания, а из любопытства и желания научиться и этому. Почему нет? Умение танцевать – это одно из обязательных правил хорошего тона. Это этикет!

– Это глупый танец, и я не буду ему учиться!

– Это один из обязательных танцев, моя дорогая госпожа.

На меня из отражения смотрит девушка, еще почти девочка. На ней платье, пока не скрывающее щиколотки, милые туфельки с кокетливыми бантиками. Рыжие волосы девочки спускаются на плечи крупными локонами. В глазах упрямство. Неподалеку застыла другая девочка, черноволосая, кажется, более послушная. Она глядит на рыжеволосую и качает головой. В ее глазах укоризна.

– Моя госпожа, – снова произносит невысокий худощавый мужчина с тонкими усиками, концы которых подкручены вверх, – вам не может быть неизвестно, что благородная дама обязана знать каждый танец, а лагстом – один из первых танцев при Дворе нашего великого правителя. Это модный и очень веселый танец.

– Я не хочу, чтобы меня хватали и поднимали вверх, – упрямлюсь я. – Это нехорошо... и нескромно. И я устала!

– Я буду вынужден сообщить о вашем упрямстве, – отвечает учитель танцев. – Ваша матушка будет недовольна, а батюшка...

– Какой же вы все-таки ябеда, – фыркаю я, топнув ногой. – Ну, хорошо, учите меня вашему глупому лагстому.

– Этикет не может быть глупым, – с едва заметной улыбкой отвечает мужчина. – Он придуман для умных и образованных людей. И вам это должно быть известно не хуже, чем

мне. Приступим...

– Ох, – выдохнула я и замерла на месте, рассеянно глядя на облачко пара, вырвавшееся из моего рта. – Лагстом...

Этот танец вдруг так ярко предстал перед моим внутренним взором, каждое па. Танец, который я не танцевала ни разу с тех пор, как ему научилась... кажется, потому что он вышел из моды еще до того, как я оказалась на своем первом балу...

– Благодарю, – машинально прошептала я. Правда, это воспоминание, как и предыдущие было, по сути, пустым. Ничего особо важного оно мне не сказало, кроме того, что я была, пожалуй, несколько своенравна и упряма.

И только сейчас я поняла, что Уруша рядом нет. Отбросив снежок, я огляделась и заметила борозду, оставленную турым. А затем я услышала его ворчание и пошла по следу. Так я обошла вокруг дома, время от времени подзывая зверя, но он не спешил ко мне. Я всё еще была поглощена последним воспоминанием, хоть и не видела в нем толка, но это было моей жизнью, а значит, даже малозначимый эпизод нужно было обдумать и сберечь. Теперь это было моим сокровищем.

Я так и шла по дорожке, которую проделал турым своим телом, но почти не замечала ее. И только новое ворчание зверя заставило меня очнуться. Вскинув голову, я воскликнула:

– Что за игры ты сегодня затеял, Уруш? Прячешься от ме-

ня?

Однако турыма рядом не было. Покрутив головой, я поставила ладонь козырьком к глазам, прячась от слепящей белизны, и увидела его шагах в десяти от дома. Зверь не обернулся. Он смотрел перед собой и порывивал.

– Что там, мальчик? – спросила я, приблизившись.

И турым заревел. Я еще никогда не слышала от него этого хриплого гулкового звука, разнесшегося по окрестностям трубным гласом.

– Да что... – начала я и осеклась, закончив сирым: – Боги...

Снег вдруг зашевелился и осыпался с трех мохнатых тел, поднявшихся на лапы. Рыхи. Три зверя слажено шагнули в нашу с турымом сторону, и он заревел снова, а затем сорвался и помчался прочь, оставив меня наедине с хищниками. Я судорожно выдохнула и сделала шаг назад. Рых, шедший на острие живого треугольника, зарычал и оскалился. Он пригнул голову к земле, став еще более опасным и пугающим.

– Со мной Белый Дух, – срывающимся голосом произнесла я, продолжая пятиться. – Со мной Белый Дух, вы не можете меня тронуть. Отец со мной! Отец...

И я закричала, более не в силах сдерживаться, потому что рыхи бросились, все разом. Нас разделало всего несколько мгновений, когда из-за моей спины вылетел турым. Он кинулся к вожаку, прыгнул и вцепился в шею, но рых, кажется, этого даже не заметил. Хищник сжался, готовый к по-

следнему прыжку... И я полетела в снег.

– Уходи! – рявкнул Танияр и встретил рырха.

Всё произошло стремительно. Воин перехватил свободной рукой морду прыгнувшего на него зверя, задрал ее вверх и вогнал в горло нож.

– Уруш! – вскрикнула я, думая в это мгновение лишь о турюме, висевшим где-то там, куда ударил Танияр.

Мой наперсник в играх уже стоял на земле и скалился на двух оставшихся рырхов, вдруг замерших на месте. Воин отбросил в их сторону тело вожака:

– Жрите.

Звери обнюхали мертвого рырха и накинулись на того, кто только что вел их к добыче. Крепкие зубы сомкнулись на еще теплой плоти, и снег обагрился кровью. Зажав рот ладонью, я отвернулась, ощутив, как к горлу подступила тошнота – зрелище было мерзким. И пока я боролась со спазмом, ко мне подскочил турым. Он лизнул меня в щеку и исчез. Я попыталась встать на ноги, но они так дрожали, что я снова повалилась в снег. И тогда мои плечи сжали сильные руки.

– Ашити, – позвал Танияр. Судорожно всхлипнув, я обернулась, и он поставил меня на ноги. – Они больше не кинутся. Испугалась?

Кивнув, я вцепилась дрожащими пальцами ему в плечи и спрятала лицо на груди. Воин был в одной рубаше. Явно торопился. И нож был тем, которым он строгал чурку. Выходит, сразу бросился на помощь. Я подняла голову и с благо-

дарностью взглянула на своего защитника и спасителя.

– Идем, – неожиданно мягко произнес он.

– Х... хорошо, – и голос мой подрагивал после пережитого испуга. Однако сразу с места я не сдвинулась. Беспокойно оглянулась и позвала: – Уруш...

Турым заворчал впереди. Я повернула голову на звук и увидела зверя, сидевшего у ног шаманки. Она стояла неподалеку и смотрела на рырхов. Взгляд Ашит был задумчивым, но ни тревоги, ни удивления, что хищники подобрались так близко к ее жилью, в глазах моей матери не было. Что-то пробормотав себе под нос, она развернулась и направилась к двери, мы с Танияром последовали за ней.

Воин поддерживал меня, приобняв за плечи, и я была ему благодарна и за это тоже. Пережитый ужас только начинал отпускать, и идти на подрагивающих ногах было сложно. Разум еще находился в прострации, однако осознание того, что меня едва не растерзали три голодных зверя, постепенно становилось всё отчетливой. Перед внутренним взором стояла картина того, как рырхи рвут тело своего вожака, и от мысли, что на его месте могла быть я, что их зубы вонзались бы в мою плоть, отчаянно зажмурилась и замотала головой, отгоняя жуткое видение.

– Мама, – всхлипнула я и повалилась на Танияра, более не в силах удерживать себя на ногах. Он подхватил меня и отпустил с рук только тогда, когда усадил в деревянное кресло у очага.

А дальше была истерика. Меня теперь трясло всем телом, и прерывистые всхлипы вскоре перешли в надрывное рыдание. Не знаю, что я переживала в прошлом, но, кажется, настолько животный ужас испытала впервые. Воин присел на корточки рядом. Он не утешал, наверное, просто не умел этого делать, а может, не считал нужным. И не был растерян – женские слезы не могли привести в смятение сильного мужчину. Просто оставался рядом и ждал, когда возьму себя в руки. А потом подошла Ашит, она протянула стакан с отваром, но я его не увидела, слишком занятая своими переживаниями. Снадобье забрал Танияр.

– Ашити! – неожиданно гаркнул он, и я, перестав рыдать, захлопала мокрыми ресницами. Воин протянул мне стакан: – Пей.

Кивнув, я забрала стакан, но больше из-за оторопи после вскрика, чем от послушания. Однако руки всё еще тряслись, и выпить отвар я смогла только после того, как Танияр забрал стакан и сам поднес его к моим губам. Сделав несколько глотков, я закашлялась и отодвинула руку воина. После снова всхлипнула и... так и не заплакала больше. Снадобье действовало быстро, и вскоре я сидела, отупело глядя перед собой, однако и это состояние прошло всего через несколько минут – я совершенно успокоилась.

– Спасибо, – сказала я сразу и шаманке и воину.

Ничего не ответив, Танияр отошел от меня. Для него инцидент был исчерпан. Воин отставил стакан на стол и после

этого направился к скамейке, на которой осталась лежать его чурка. Впрочем, продолжить свое занятие сразу не смог – нож остался в горле убитого хищника. Раненый, не спрашивая разрешения, подошел к полке, где лежали другие ножи шаманки, выбрал нужный ему и вернулся назад, не услышав ни слов возмущения, ни раздражения. Для него и Ашит подобное было обычным делом. «Гость может взять всё, что пожелает, – как-то говорила мне шаманка, – если он пожелает то, что ему не готовы дать, хозяин скажет об этом. Если гость станет настаивать, его выгонят». Разумеется, нож не входил в число запретов. И воин продолжил строгать чурку.

Я перевела взгляд на мать, Ашит надевала свою шубу. Она полуобернулась, бросила на меня взгляд и вышла из дома. Я недоуменно пожала плечами, но тут же вскочила на ноги и воскликнула:

– Рырхи! – воин посмотрел на меня. – Танияр, там же рырхи! Мама пошла одна, если они нападут...

– Нет, – отрицательно покачал головой мужчина. – Никто не тронет шамана, даже голодный рырх. Сила Отца защищает. Зверье ее чувствует. – Он отложил чурку и нож и бросил взгляд в окно. – Не понимаю, почему они пришли. Дом шамана стоит на священной земле, рырхи не переходят границу. – Танияр опять обернулся ко мне. – Почему ты спрашиваешь? Разве не знаешь?

– Знаю, – соврала я. – Просто опасаясь за мать.

Чтобы прекратить этот разговор, я поднялась с кресла и

постаралась вообще не смотреть на воина, не желая провоцировать на новые неудобные вопросы. Повесив шубу, я ушла в лихур, где стояло ведро с холодной водой. Там ополоснула горящее от слез лицо, распрямилась и застыла, глядя перед собой. Истерика уступила место стыду...

– Дитя мое, благородная дама должна быть изящна даже в слезах. Недопустимы эти вульгарные всхлипы и икота. Подобное можно позволить себе только где-нибудь в лесу, когда вокруг одни дикие звери. Они хотя бы никому не выдадут вашей слабости и невоспитанности. Но вы вряд ли будете мчаться в лес каждый раз, когда захочется разрыдаться. Потому учитесь плакать изящно. Лицо может исказить страдание, но кривить рот и издавать эти ужасные звуки вроде «ыхы» и «а-а» недопустимо!..

– Тьфу, – в сердцах произнесла я и отмахнулась от нравоучительного воспоминания.

Мотнув головой, я отогнала размышления, готовые накинуться на меня. Не хочу. Не хочу опять строить предположений. Воспоминания приходят, и это уже хорошо. Права Ашит, нужно просто жить, а прошлое однажды сложится из обрывков в единое целое. Плевать на то, что я делала *там*, нужно думать о том, что буду делать *здесь*. А это уже решено – учиться, набираться знаний и привыкать к новому дому, остальное приложится. И я, наконец, покинула лихур.

Ашит еще не вернулась, мы с Танияром были по-прежнему одни, если, конечно, не считать Уруша, но он был занят костью, потому остальной мир для него сейчас не существовал. Я подошла к двери, приоткрыла ее и выглянула на улицу, шаманки не было видно. Ощувив тревогу, я шагнула за порог, но быстро замерзла и вернулась в теплое нутро дома, уже ставшего родным.

Чтобы отвлечь себя от тревожных мыслей, я подошла к очагу. Присев перед ним, подкинула поленце и постаралась занять голову чем-нибудь, хотя бы последним поучительным воспоминанием или уроками танцев, но тревога, поселившаяся во мне после того, как ушла шаманка, только укрепилась, и ни о чем ином думать уже не получалось.

Перед внутренним взором стояла картина, где три рыха поднимаются из-под снега. А что если эта троица не была единственной, что если там еще остались хищники? И что может сделать против них одна старая женщина, пусть и наделенная недюжинной силой? Вдруг именно в эту минуту звери рвут тело моей названной матери?!

– Нет, – зажмурившись, что есть силы, я мотнула головой и больше не могла усидеть на месте.

Вскочив, я порывисто обернулась, уже намереваясь бежать на улицу, но застыла, так и не сделав шага. Танияр стоял передо мной. Бесшумный, будто тень, воин успел приблизиться, а я не услышала ни звука. От неожиданности я не нашла, что сказать. Впрочем, воин, придержавший меня, ко-

гда я едва не налетела на него, отстранился. Выдохнув, я перердернула плечами, стряхнув оцепенение и оторопь, и отошла к окну.

– Ашити, – позвал меня Танияр.

– Что? – отозвалась я несколько недружелюбно, но виной тому было вернувшееся волнение за шаманку и последствия неловкости от столкновения.

– Расскажи о себе.

Я обернулась и устремила на воина чуть удивленный взгляд. Он держал в руках стакан с отваром из ягод, который Ашит готовила для утоления жажды. Выходит, он не подкрадывался, это я налетела на раненого, когда он направлялся за напитком, чтобы промочить горло. Снова отвернувшись к окну, я скрыла усмешку, а затем и улыбнулась, ощутив облегчение, потому что к дому шла моя мать.

– Кто ты, Ашити? – снова спросил меня Танияр. – Откуда появилась? Почему никто из нас не слышал о тебе? Кто твои родители? Твои волосы белого цвета, но таких глаз нет ни у кого в таганах, лишь у пагчи.

– Как много вопросов, – отозвалась я и опять посмотрела на воина. – Я – Ашити, дочь шаманки Ашит и, как и ты, – дитя Белого Духа.

– Это мне известно, но откуда ты пришла?

В это мгновение открылась дверь, и Ашит шагнула в дом. Танияр, оставив меня в покое, устремил взор на шаманку.

– Почему они приблизились к твоему дому, Вещая? –

спросил раненый.

– Кто ж их знает? – ворчливо ответила женщина. – Если бы рырхи могли говорить, то рассказали бы об этом. Что-то пригнало их, – она пожала плечами. – Больше не придут. Отвадила я зверье.

– Ты уже не юна, Вещая. Я заберу вас с собой...

– Что еще придумашь? – фыркнула Ашит. – Кто я, потвоему? Старуха Сурхэм? Здесь моя земля, здесь силен голос Отца. – Она посмотрела на стол и произнесла: – Ты не выпил снадобье, Танияр.

– Позже, Вещая, – ответил воин.

– Сейчас, – приказала шаманка. – Или ты лучше меня знаешь, как исцелить тебя? Тогда можешь уйти, в моем доме двух шаманов быть не может.

Танияр ожег ее взглядом, но все-таки ответил:

– Ты – шаман, Вещая. Я лишь сын Белого Духа. – После взял стакан со снадобьем и выпил почти залпом, так и не поморщившись. А когда отставил стакан, глаза его на мгновение прикрылись, и Танияр произнес с нескрываемой укоризной: – Так и знал. Ну... Вещая.

Он едва успел перебраться к своей лежанке. Лег и, еще раз бросив на мою мать суровый взгляд, мгновенно уснул. Ашит хмыкнула:

– Нашел, с кем спорить. – И добавила с иронией: – Килим.

– Кто это – килим? – спросила я.

– Зверь, – ответила шаманка. – Упрямей него не найдешь.

Да ты его видела. Тот, что кусал тебя в пещере. Только охо и боится, но всегда идет в его логово. Что охо не сожрал, килим доест. Тебя бы охо всю съел, уж больно дохлая, – серьезно закончила Ашит и вдруг рассмеялась.

– Ну, вещая, – повторила я с интонацией поверженного воина, а затем легко рассмеялась в ответ.

Глава 6

Бежит река, течет вода,
Катится вода по серым камням.
Звенит река, поет вода,
А слова ее ветер слушает.
Отнесет он их в даль далекую,
Где нет реки, но стоит гора.
Голова горы от снегов бела...

Ашит сноровисто скользила по дому, напевая песню о мудрой горе, которая знала про всё на свете, потом что дружила с ветром. Он летал по миру и возвращался к горе, чтобы поделиться новостями. И никто не знал столько, сколько знала гора. Даже ветер знал меньше, потому что не видел того, что происходило у подножия горы в его отсутствие.

Это даже не было песней, скорей, напевным сказанием. О рифме шаманка явно никогда не слышала, так что, наверное, это было всем сразу: и песней, и сказанием.

И пришел к горе охотник Каюм.
Ты скажи, мне гора, что бывает,
Когда я глаза закрываю и слепну на миг...

Я почти не слушала слов, потому что уже знала эту ис-

торию, но вскоре мычала себе под нос незамысловатый мотивчик. По сути, песня была монотонная и однообразная, но чем-то мне нравилась. Может, просто попался хороший исполнитель. У Ашит ее песенные сказания получались интересными. Как-то она подходила этим песням, ну или они ей. В общем, гармония имела место.

И пока шаманка готовила свои целебные варева, я занималась собственным делом. Да-да, теперь и у меня появилось занятие. Я готовилась к первому посещению человеческого поселения. И для этого я шила головной убор ученика и подручного шамана – кулуз. Он должен был защитить меня от любопытных глаз. Этот убор носили до обращения, пока тело не покроют знаки Белого Духа. И заглядывать под кулуз было строго запрещено, потому что выбор всё еще оставался не сделан.

Уже готовы были стройные ряды башит – подвески, состоявшие из красных и белых бусин, и теперь я крепила их к кожаной полоске, которая надевалась на голову, и ее концы связывались шнуровкой. На этой полоске уже был нашит узор из маленьких бусин и бляшек, напоминавших монеты.

Признаться, мне было сложно представить, как я буду глядеть на мир сквозь эту занавесь из длинных рядов башит. Наверное, это должно быть раздражающе. При ходьбе они должны мотаться перед глазами, беспрестанно стучаясь друг об друга. Впрочем, узорами и нитками с бусинами мой головной убор не заканчивался. Еще имелись два хвоста, но

с их хозяевами мне пока не довелось познакомиться только в рассказах матери. Я по этому поводу не огорчалась. Мне хватило и рырхов.

Кстати, эти твари к нашему дому пока больше не приближались. Я тоже, как и Танияр, спрашивала у Ашит, почему они пришли? Но ее ответ был лаконичен и предсказуем:

– На всё воля Белого Духа.

– А если опять придут? Танияра рядом уже нет, спасти нас некому.

– Не придут, – отмахнулась шаманка.

– Почему?

– На всё воля Белого Духа, – вот и поговорили.

Да, наш пациент покинул нас еще десять дней назад. На следующий день после нападения рырхов, когда утром воин открыл глаза, шаманка осмотрела его раны и удовлетворенно покивала – от них остались лишь шрамы.

– Хвала Отцу, ты можешь вернуться к брату, – сказала Ашит.

Танияр надел рубаху и кивнул, принимая ее слова. После прошел к столу, который я как раз закончила накрывать и, усевшись, посмотрел на меня.

– Доброго утра, Танияр, – улыбнулась я.

– И тебе милости Отца, Ашити, – сказал он, и я поспешила отойти от стола, пока воин не вспомнил, что так и не получил ответов на свои вопросы. Однако Танияр о допросе не вспомнил. Он обернулся к шаманке и произнес: – Вещая, я

снова предлагаю тебе и твоей дочери свою защиту. Я прошу вас поехать со мной в таган моего брата.

Я перевела взгляд с гостя на мать, ожидая, что она ответит.

– Нет, – ответ шаманки был кратким.

– Там мы сможем прийти тебе на помощь...

– Танияр, сын Вазама, – надменно оборвала его шаманка, – не мнишь ли ты себя выше Белого Духа?

– Ты знаешь, что нет, – спокойно ответил воин.

– Тогда ты знаешь, что не дашь мне большей защиты, чем Отец.

– Но Ашити – не шаман, – возразил Танияр. – Если бы я не бросился ее искать, как только заревел турым, ты бы нашла ее обглоданное тело.

Меня передернуло от его слов, и я снова посмотрела на Ашит, но шаманка не собиралась сдаваться – это я видела по ее упрямому взгляду.

– Нет, – снова повторила моя мать. – Здесь Ашити защищена лучше, чем в тагане. Мы останемся тут. Разговор окончен. Ешь. Скоро за тобой приедут.

– И все-таки подумай, Вещая.

Они отвернулись друг от друга, и я услышала, как воин и шаманка одновременно произнесли себе под нос:

– Килим. – Теперь я поспешила отвернуться, чтобы скрыть смешок.

А вскоре после завтрака прибыли пятеро всадников на тех

мохнатых верховых животных, которых Ашит назвала рохами. Шестой зверь послушно шел за ними без всякой привязи. Я наблюдала за приближением всадников из окна. И чтобы разглядеть их лучше, я привстала со скамейки и почти прижалась к окошку.

– Ашити, отойди, – прозвучало почти одновременно. Я обернулась, с удивлением посмотрела сначала на строгую мать, после на не менее строгого Танияра. Вы поглядите, какое удивительное единение у вечных спорщиков! Пожав плечами, отошла от окна. Им видней.

Воин вышел из дома раньше, чем его сопровождение приблизилось. Он встретил их, забрал мешки у одного из мужчин, а потом вернулся назад. Это оказались дары от его брата – Архама – свежее мясо и горшки с соленьями. В этом суровом мире съестные припасы ценились выше золота, зимой так уж точно. Поставив на стол мешки, Танияр склонил голову перед Ашит, затем посмотрел на меня и, кивнув, ушел уже совсем.

Признаться, я даже ощутила грусть. Всего за несколько дней я успела привыкнуть к беловолосому мужчине с синими глазами. Его молчаливая основательность и внутренняя сила чем-то напомнили мне несокрушимую крепость, за стенами которой можно было чувствовать себя в безопасности. Однако мне было, чем занять свою голову, и потому мысли о Танияре терзали меня недолго.

Шаманка продолжала обучать меня. Я внимательно слу-

шала про травы, запоминала их названия и назначение. Оказалось, что учиться мне нравится, и я с удовольствием впитываю новые для себя знания.

– Ирхыз только на полную луну собирай, – говорила мне мать, держа в руке сухую веточку с широким листом. – Как только цветы появятся, смотри на небо. Раньше сорвешь, силы не будет. Позже – толку, больше вреда. А если всё верно сделаешь, от морозной хвори, что дитя, что взрослого исцелишь. Жар снимет, сон добрый даст. Запомнила?

Если бы она вываливала на меня все свои знания о травах разом, я бы не запомнила ничего. Однако Ашит была мудрой и учить умела. Показав два-три вида травы, она прекращала говорить о сборах, давая мне возможность рассмотреть и повторить всё, что она рассказала. Шаманка слушала, поправляла и хвалила меня. Это было приятно.

После травоведения, как я сама назвала наши уроки, мы переходили к следующему. Мама учила, где нажать, а где погладить, чтобы унять боль. Она называла это «лечить руками», а у меня всплыло в голове слово «массаж». Но как не назови, а знания были полезными. Ашит даже дала мне себя на растерзание, указав на поясницу.

– Ноет, – сказала она. – Лечи.

Скажу честно, мне было страшно. И пока я осторожно нажимала на спину матери дрожавшими от волнения пальцами, она вывернулась и с ехидством спросила:

– Хочешь упрямством взять? Будешь гладить, пока само

не пройдет? Или руки слишком нежные? Так сейчас найду дело, сильней воина станешь.

– Красота женщины не в силе, но в ее изяществе и хрупкости, – наставительно произнесла я, вдруг вспомнив очередной изречение кого-то из прошлого.

– Так с тебя красивой только пыль смахивать, – усмехнулась шаманка и велела: – Делай, как учила.

Когда я закончила, Ашит поднялась с лавки, покривилась, держась на спину, а потом улыбнулась:

– Легче стало. Постаралась, дочка.

– А чего кривишься?

– Так не девушка юная с лавки-то прыгать. Прошла спина.

Вот так и проходили наши дни. А еще я шила кулуз. Рукоделие, как выяснилось в процессе, я любила меньше учебы. Оно меня раздражало. К тому же, нашивая бусины и пластины на кожаную полоску, я исколола пальцы. Бранилась себе под нос, сыпля ругательствами на родном языке, но продолжала работать, потому что Ашит ответила на мой вопрос о том, когда же мы поедем к людям:

– Как дошьешь кулуз, так и начнем собираться.

– Я его уже почти дошила.

Шаманка посмотрела на меня и улыбнулась:

– Значит, скоро и пойдем. Агыль недолго уж ждать осталось.

– Агыль? Кто такой Агыль, мама?

– Как закончишь кулуз, так и узнаешь, – лукаво ответила

шаманка. – Не томи Агиль.

И вот что пришло мне в голову – все-таки странная вещь память. Бранные слова я помнила отлично, хоть и точно знала, что не пользовалась ими раньше. А кто я и что со мной произошло – нет. Несправедливо! Однако факт остается фактом, ругалась я, как какой-нибудь пьянчужка, пока ранила себе пальцы, но даже имя, данное мне от рождения, оставалось скрыто пеленой забвения.

А к ночи я закончила свою работу. Но это не было единственным предметом одеяний ученика шамана. Еще полагался бесформенный красный балахон. Но тут мне повезло. У Ашит осталось ее платье со времен обучения. Ростом она была немногим ниже меня, потому балахон оказался чуть выше щиколотки, но ноги скрывали меховые сапоги, так что покров тайны не был открыт.

Да и рукава... Белый Дух! Они были длинным, с прорезью для ладони, которую скрывал кусок материи, нашитый сверху. Представив, как я буду ходить с завесой из висюлек на лице и в платье, в котором должна запутаться в первые же несколько минут, признаться, меня захлестнули сомнения, что такой наряд вообще предназначен для ношения.

– Не убирай кулуз, Ашити, – велела мать, когда я сложила в опустевшую миску свой головной убор и собралась унести ее. – Так быстрее его надеть.

– О чем ты говоришь, мама? – спросила я, опустив миску на стол.

– За нами уже спешат, – ответила шаманка, глядя в белую пелену, взметнувшуюся за окном. – Орсун не справится.

– А это кто? – нахмурилась я.

– Знахарка, – Ашит направилась к сундуку. Оттуда она достала свои ритуальные одеяния, мое платье и кинула его мне. – Одевайся сейчас. Потом будет поздно. Будешь мне помогать.

Уже скинув меховой жилет, я подняла на нее взгляд:

– Что мне нужно делать?

– Что скажу, то и сделаешь. Но главное, ты будешь учиться.

– Чему? – спросила я с любопытством.

– Как принять дитя, – ответила шаманка, и я поперхнулась.

– Что? – опешила я.

– Ты хочешь посмотреть, как живут наши люди, – сказала Ашит. – Я не хожу в поселения без дела. Или ты остаешься, или идешь, как мой ученик. Иначе быть не может.

– Белый Дух, – гулко сглотнула я.

Рвение мое значительно снизилось, да и любопытство тоже, как и желание ехать к людям в поселение. Я даже с тайной тоской взглянула на свою лежанку, вспомнив ее удобство. Это было восхитительно – лежать и слушать вой ветра... Однако повела плечами, стряхнув оторопь и, решительно поджав губы, продолжила переодеваться.

Вскоре мою повседневную одежду, кроме штанов, смени-

ло ученическое платье. Я просунула руки в прорези, поплевалась ядом и пришла к выводу, что работать руками рукава мне не мешают. Прорезь была ближе к кончикам пальцев, и они легко скользнули наружу, тут же попав под защиту ткани, нашитой сверху. Рукава не натянулись, и свисающая их часть оказалась даже незаметной. В общем, к платью я отнеслась милостиво.

Следом я накрыла голову красным покровом, легшим на лоб странноватым утолщением, назначения которого я сразу не поняла. Но когда надела кулуз, он прошел поверх утолщения, и башит свободно повисли над лицом, скрыв его плотной завесою. Завязки кулуза затянула шаманка, закончив с собственным одеянием. Я покрутила головой, фыркнула на перестук бусин, однако признала еще одну вещь – смотреть сквозь узкие щелочки было не так уж и сложно. Хотелось, конечно, отвести их в сторону, но этого я не стала делать – нужно было привыкнуть к новому видению мира.

– Наклонись, – велела Ашит.

Я послушно склонила голову, и она надела мне на шею ожерелье, собранное из тех же бусин, звериных зубов и блестяшек, с похожей чеканкой, как на кулузе. Покров шаманка расправлять не стала, так и оставив его прижатым ожерельем, а я не спорила, понимая, что она лучше меня знает, как должен быть одет ученик.

– Может, скажешь, что мне делать? – спросила я.

– Слушать и подавать, что велю, – ответила шаманка. –

Надевай шубу, они уже близко.

– Хорошо, мама, – согласилась я и вдруг ощутила сильнейшее волнение.

И это даже было хорошо, что я не должна разговаривать. Этакое безмолвное никто за спиной шамана. Просто замечательно! Если бы мне довелось разговаривать, мой голос бы, наверное, подрагивал. И, протяжно выдохнув, я взяла у матери мешок, который она мне протянула. В ее руках остались только собственное достоинство и надменность, в одно мгновение застывшее на добродушном лице Ашит. Я приосанилась за ее спиной. Шаман и ученик – это вам не с турымом в снегу валяться. Мы – сила! Ух!

И в то же мгновение в дверь постучали. Никто не ждал позволения войти – свет в окнах уже был приглашением. И когда на порог шагнул мужчина в шубе с длинным мехом, я невольно затаила дыхание, почему-то ожидая увидеть воина, хорошо знакомого мне. Однако это был не Танияр. Со всем незнакомый мужчина с широкоскулым лицом глядел на Ашит, и в глазах его читалась мольба и упрямство, словно он был готов утащить шаманку силой, если она вздумает отказать. Но моя мать не отказала.

– Идем, – сказала она и шагнула к дверному проему, который полностью заслонила фигура визитера. Он гулко сглотнул, кажется, только сейчас расслабившись, и Ашит сурово произнесла: – Что стоишь, Ильд? Или пришел спрятаться в моем доме, пока твоя жена борется за себя и сына?

– Сын? – хрипло спросил Ильд.

– Никто, – сухо ответила шаманка. – Если не отойдешь с дороги.

И мужчина очнулся. Он развернулся и первым вышел туда, где бушевала метель. На меня он, кажется, совсем не обратил внимания, словно я была лишь тенью матери, а не новым для него человеком. Хотя... так оно и было. Ученик – это тень шамана, без лика и голоса.

– Идем, – это уже относилось ко мне, и я поспешила за Ашит.

Уруш даже не поднял головы, когда мы выходили, лишь перевернулся на спину и блаженно заскрипел. Турыму было хорошо, а вот мне не очень. Стоило шагнуть за порог, как порыв ветра взметнул все башит разом, застучал ими друг об друга и швырнул мне в лицо колючий снег. Ледяной воздух мгновенно сковал легкие, и, наверное, остаться бы мне лежать в сугробе, сбитой с ног яростью Белого Духа, ослепленной и обездвиженной, но крепкая рука древней старухи ухватила меня за запястье. Она потащила меня за собой к возку, который ожидал нас всего через несколько шагов.

Разглядеть его я не смогла бы, даже если бы мои глаза вылезли из орбит, – мешал проклятый снег и не менее проклятые башит, мотавшиеся из стороны в сторону, словно взбесившиеся змеи. Они лупили меня по лицу, по макушке, по шее, и весь мой путь в несколько шагов был полон брани и борьбы с собственным кулузом. Так что про возок я узнала

только тогда, когда Ашит, схватив меня за шиворот, втокнула в него, будто котенка.

Я еще какое-то время отфыркивалась, пока шаманка не толкнула меня кулаком в плечо. После этого я обернулась в ее сторону, но не увидела в крошечной темноте возка. Недовольство матери было понятно, я нарушала правила. Впрочем, голоса тени за воем ветра не было слышно, однако тычок был необходим – я опомнилась и прикусила язык.

А после этого ощупала пространство вокруг себя, так я поняла, что возок совсем небольшой. Ашит сидела впритык ко мне, а упиралась плечом в стенку коробки, в которой мы находились. Или ящика, что будет ближе к истине. Спереди нас закрывал полог, и, похоже, он был закреплен, потому что ветер шевелил ткань, бился в нее, но внутрь прорывался лишь сквозняком. Хотя и этого хватило, чтобы прижаться к шаманке еще сильнее.

И все-таки любопытство проснулось, как только бешеный стук сердца унялся и дыхание выровнялось. Стены возка внушили чувство безопасности, а это пробудило желание подглядеть в щелочку. Однако стоило мне податься вперед, как Ашит одернула меня.

– Сиди, – велела она.

Фыркнув, я застыла, больше не проявляя любопытства. Оно никуда не делось, но было оставлено до поры, когда мы выберемся наружу. Так мы и ехали весь путь: в тишине и почти не шевелясь. Не могу сказать, сколько времени заняла

дорога, мне казалось, что мы ехали целую вечность. Даже думала, что когда сани остановятся, метель уже стихнет и забрезжит рассвет. Ошиблась.

Я начала клевать носом, а после и вовсе задремала под монотонный вой за стенами возка, потому пропустила момент, когда движение прекратилось, и вздрогнула, ощутив толчок в плечо. Открыв глаза, я услышала вой метели, и он был столь же силен, как и в начале пути. Полог откинулся, тут же впустив в нашу темноту ледяной ветер и снег, и Ильд прокричал:

– Вещая, приехали!

Мать первой выбралась из возка, я последовала за ней, но в этот раз прижала россыпь башит ладонью к шее. Так оказалось намного удобней. Они больше не извивались и не лупили меня по лицу, даже дышать, кажется, было легче, чем у дома шаманки. Впрочем, здесь метель и вправду была потише. Она бушевала, но не ревела с таким остервенением. Должно быть, причиной тому были дома, стоявшие преградой на пути ветра.

Дверь дома, открывшаяся нам на встречу, стала спасительным маяком и тем пламенем, на который летят мотыльки. И я была таким мотыльком. Мне невозможно сильно хотелось оказаться подле огня и протянуть к нему свои крылышки. Но позволить себе такой вольности я не могла, сейчас писалась моя будущая жизнь среди этого народа, потому опозорить себя несдержанностью было недопустимой роско-

шью. В дом я входила за шаманкой, с той же надменностью и степенностью, правда, за кулузом их совсем не было видно.

И сразу нас окутал жар пылающего очага, а еще был запах – тянуло горящим деревом, жженой травой и немного потом. Сразу стало нестерпимо душно и захотелось поскорей избавиться от шубы, а лучше от всей одежды разом. Однако сделать это было невозможно, даже намекнуть, чтобы ненадолго открыли дверь и изгнали жар из дома – тоже. От меня требовалось стоять и ждать, что скажет Ашит.

Шаманка прошла к широкой лежанке, на которой лежала женщина, чье лицо лоснилось от пота. Ее белые волосы слиплись в неопрятные сосульки, губы кривились, и глаза покраснели, словно их изнутри заполнила кровь. Жуткие глаза, жуткая женщина... Но кроме оторопи я ощутила жалость. Она страдала.

Мой взгляд скользнул с лица Агыль на ее объемный живот, на котором собрался складками задранный подол рубахи. Женщина судорожно комкала сероватую ткань. Ее обнаженные ноги были разведены в стороны, и мне вдруг подумалось, что удовольствие и расплата за него приходят в одной и той же позе... Мысль была неуместной и пошлой, однако вызвала нервный смехок, который мне удалось подавить.

Рядом с лежанкой стояла пожилая женщина. На ее голове была надета матерчатая шапочка, похожая на перевернутую миску. Волос из-под шапки совсем не было видно. Название этого головного убора я вспомнить так и не смогла. От ду-

хоты уже начало подташнивать, а раздеться пока никто не предложил. Ашит еще оставалась в шубе, и я вместе с ней. Если честно, я чувствовала себя глупо. Даже порадовалась кулузу, за которым могла скрыть досаду и недовольство.

– Подойди, – не обернувшись, махнула рукой шаманка.

Я приблизилась, стараясь не смотреть на лежанку и на женщину, кривившуюся на ней. Мать скинула мне на руки шубу и велела:

– Готовься.

Нас ждал очередной ритуал, но я совершенно не представляла, что мне придется делать. Голова плыла от жары, мешая соображать. Я обернулась, держа шубу шаманки, и тут же увидела за своей спиной хозяина дома. Ильд протянул руки, и я с облегчением отдала ему верхнюю одежду: сначала Ашит, затем и свою. После выдохнула с облегчением и опять взяла в руку мешок, который мы привезли с собой.

– Орсун, накрой пол, – снова заговорила шаманка, надев свой головной убор. – Ильд, положишь туда жену.

Знахарка, послушно кивнув, поспешила к лавке, на которой лежало свернутое покрывало, сшитое из шкур. Ильд сдвинул всё лишнее, освобождая место, и Орсун споро расстелила покрывало на полу. Еще одна женщина, которую я не заметила сразу, шагнула из тени, откуда всё это время смотрела на нас. Она достала чистую простынь, такую же серую, как сорочка Агылъ, покрыла ею шкуры, и Ильд перенес жену.

– Теперь уйдите, – велела Ашит.

Ильд и женщина послушно покинули нас. Они скрылись за полотняной занавесью, больше не мешая шаманке. Я проводила их взглядом, но больше смотрела на женщину. Судя по возрасту, она была матерью одного из супругов, но чьей, сейчас вникать не стала. Я посмотрела на Орсун, однако знахарка только отошла в сторону, а моя мать ее не гнала. Значит, она тоже нужна – поняла я.

– Разложи на столе, – теперь приказ относился ко мне.

Сообразив, что мать велит подготовить то, что мы принесли, я направилась к столу. Опустевший мешок я положила на лавку и теперь смотрела на то, что мы взяли. Передо мной стояли три деревянные фигурки. В них не было изящества – просто грубовато вырезанные человечки. Их явно делали даже не год назад. Мне подумалось, что они сменили уже не одного хозяина. Быть может, были старше самой Ашит.

Одной из фигурок была женщина с большим животом. Она сидела, скрестив короткие ножки, ступни которых едва выглядывали из-под объемного чрева. Женщина накрыла его руками такими же короткими, как и ноги. А вот голова ее была почти такой же большой, как и живот. Непропорциональное и не особо приятное создание. Но когда Ашит взяла его и поставила в голове Агиль, Орсун почтительно поклонилась фигурке, и я осознала, кто это. Дух, покровительница женщин – Илсым.

Ашит описывала ее прекрасной, как летнее утро, но неиз-

вестный резчик по дереву явно имел свои взгляды на красоту. Единственное, что не расходилось со словами шаманки – это вечная беременность Илсым. По рассказам моей матери, этот Дух-женщина рожала всё, что видит взгляд: деревья, траву, облака, реки... Совершенно сумасшедшее верование, но я его приняла, раз приняла и свой новый дом. Помимо этого, она была сестрой Белого Духа, а высмеивать родню своего Покровителя было бы дикой неблагодарностью. Поэтому я преисполнилась трепета и благоговения перед Илсым.

Впрочем, рожала она не только природу, но и детей. Отца у них не было, по крайней мере, о нем Ашит не сказала. Вроде как сама решила, сама родила и отправила беречь другие свои создания. Ее детьми были менее значительные в своей грандиозности духи. Один приглядывал за растениями, другой за животными, третий за реками, ну и так далее.

Что до людей, то тут легенда не оставила пробелов. Первого человека Белый Дух слепил из снега, а чтобы он наполнился жизнью... правильно, его выносила Илсым. И это не было кровосмешением. Кстати, первой была женщина. Но, в отличие от Богини, она не смогла самостоятельно продолжить человеческий род, и тогда Белый Дух слепил мужчину, а его сестра дала ему жизнь. Эту легенду я тоже приняла безропотно. Из снега, так из снега. Зато понятно, почему все дети Белого Духа беловолосы и светлокожи.

Но вернемся к ритуалу. Вторая фигурка была мужской. Его руки были пусты: ни оружия, ни предметов обихода.

Только на плече можно было угадать в странном наросте птицу. И это подсказало, что я вижу Духа, повелевающего сменой дня и ночи – Нушмала. На его плече сидел арзи – остроглазый гонец и мудрый помощник. Об этих птицах Ашит мне тоже рассказывала. На время зимних холодов арзи перебирались за Каменную стену – скалистую гряду, где не выли такие суровые ветра, и, по словам шаманки, правил младший брат Белого Духа – Илгиз, но о нем не стоило говорить в темноте. Эту статуэтку мать поставила по левую руку от Агыль.

Третьей фигуркой оказалось нечто жутковатое и недружелюбное с виду. Лицо его казалось месивом. Это был Дух добрых снов – Увтын. Он был уродлив до безобразия, но лишь потому, что должен был стать страшной ночного кошмара. Только так можно было отогнать ужас недобрых сновидений. Увтын, добрейший из всех Духов, имел самую жуткую наружность и светлую душу. Когда Ашит мне рассказала про него и предложила поставить в изголовье, я отказалась. Статуэтку мать тогда не показала, но мне хватило ее рассказов. И сейчас я его легко узнала. Увтын встал по правую руку от женщины, продолжавшей стонать и кривиться от боли.

Следующим шаманка взяла небольшой, но туго набитый мешочек. В нем оказалась трава. Какая, я не поняла, потому что она была перетерта почти в труху. Бормоча себе под нос, Ашит неспешно шагала вдоль подстилки Агыль, по пути рассыпая траву, и когда она закончила, роженица оказа-

лась внутри круга.

Последним предметом из мешка была глиняная лампа, наполненная пахучим маслом. И поработать с ней пришлось уже мне, когда шаманка велела:

– Зажги.

Я отошла к очагу, зажгла лучину от огня, а после и фитилек лампы. И сразу же ее плотный запах пополз по дому. Он не был неприятным, просто въедливым, но скрыл под собой все остальные запахи. И это было даже неплохо.

– Дай, – Ашит протянула руку, и я отдала ей лампу.

Больше приказов не было, и я осталась стоять в стороне, наблюдая за тем, что делает мать. Шаманка опустилась на колени между ног Агыль. Продолжая что-то бормотать на древнем языке, Ашит водила лампой над животом женщины. Голос матери то набирал силу, то вновь превращался в едва слышное монотонное бормотание. А потом она встала, вознесла над головой сосуд и начала раскачиваться из стороны в сторону. Кажется, теперь она пела, но не могу сказать точно, просто звучание вдруг стало напевным.

Я перевела взгляд с матери на Агыль и увидела, что лицо ее больше не скривлено, словно на женщину снизошло успокоение. Она задышала ровней, даже немного расслабилась. Похоже, боль, терзавшая ее, уходила, подвластная воле шаманки. А потом Ашит обошла женщину, опустила лампу к травяному крошеву, и я охнула, потому что трава загорелась. Однако никто не спешил ее тушить, только Орсун сделала

шаг ближе.

Шаманка распрямилась и протянула руку в мою сторону. Поняв, чего от меня ждут, я поднесла матери хот и било, как называлась короткая палка. Ашит отдала мне лампу, и я снова отошла, не зная, что делать дальше. Но мама на меня внимания уже не обращала. Она подняла над головой хот и пошла по кругу, следуя за язычком пламени на полу. Бум... Бум... Уже привычные глухие удары понеслись по дому. Я прикрыла глаза и медленно выдохнула, слушая звук хота. Мне вдруг подумалось, что если я смогу, как и в ночь спасения Танияра, войти в обряд, то увижу Белого Духа. Смогу еще мгновение полюбоваться идеальными чертами благородного лица.

Удивительно, но Его облик не будил во мне влечения, только чистый и искренний восторг. Преклонение и трепет – вот, что я чувствовала. И мне вновь хотелось заглянуть Ему в глаза, быть может, услышать свое имя из Его уст, понять, что Он всегда рядом... Но не вышло. Я просто слушала глухие удары, голос шаманки и вновь появившиеся стоны Агыль. В транс я так и не впала.

Открыв глаза, я увидела, что лицо женщины вновь исказилось. Удары в хот участились. Шаманка теперь не просто расхаживала. Ее движения напоминали своеобразный танец, сплетенный из раскачиваний, кружения и наклонов. И всё это она совершала, не останавливая своего хождения вокруг Агыль. И голос стал звучать громче и напористей. Я смотре-

ла, и мне не верилось, что всё это может делать древняя старуха. Она ни разу не оступилась, не сбилась, не запнулась, и даже дыхание не подвело свою хозяйку.

А потом Агиль застонала громче, чем раньше, стиснула зубы и приподнялась, заметно напрягшись.

– Ы-ы-а-а! – надрывно выкрикнула она и снова растянулась на подстилке.

Вот теперь Орсун отлепилась от своего места. Она опустилась между ног Агиль, сдвинула ее подол повыше, и женщина снова поднатужилась.

– А-ах! – выдавила бедняжка, и знахарка что-то негромко сказала ей. – Я стараюсь, – прохрипела в ответ Агиль.

И мне стало не по себе от вида чужих мучений. В это мгновение я вдруг поняла, что ни шаманом, ни даже знахаркой быть не желаю. Мне хватит знания трав, это всегда может пригодиться. А то, что творилось на полу... бр-р.

– Ну-у же-е, – натужно протянула Агиль. – Пусть он выйдет, пу-усть... А-а! – громко выдохнула она и обессилено упала навзничь.

– Помоги, – махнула мне Орсун.

Я несмело приблизилась. Во рту в одно мгновение пересохло от кучи предположений, что я должна буду делать. Если бы не кулуз, то скрыть испуг мне бы не удалось, потому что глаза мои были широко распахнуты.

– Подними ее, – велела знахарка.

И я стала спинкой кресла, в которую Агиль уперлась пле-

чами и головой. Ее ступни Орсун прижала к своим коленям. А за нашими спинами продолжала свои песни шаманка. Голос ее звучал теперь на пределе, удары слились в непрекращающуюся череду, и, казалось, сами движения превратили Ашит в смазанную тень. Я скосила на нее глаза, но тут же забыла о матери, потому что в мою руку вцепились мертвой хваткой пальцы Агыль.

– М-м-м, – замычала я, стараясь справиться с неожиданной болью.

Моих страданий никто не заметил, потому что Агыль настолько закричала. Орсун часто закивала, одобряя происходящее. Пальцы на моей руке сжались с новой силой и мое:

– А-а! – слилось с вскриком Агыль и плачем младенца.

– О-ох, – протяжно выдохнула женщина, и я выдернула руку из ослабших пальцев.

Мне хотелось выругаться ровно до того мгновения, как я увидела его. Маленький, красный, сморщенный, облепленный какой-то гадостью... Младенец сейчас совсем не выглядел так, как я представляла. Он разевал беззубый рот в надрывной крике, а на моем плече улыбалась женщина, кажется, готовая потерять сознание.

– Сын, – прошелестел ее голос.

И в тот же миг потухли последние тлеющие крошки травы, оставив на полу черный след, и оборвалось пение шаманки. Она согнулась пополам и тяжело дышала, постепенно приходя в себя. Отстранившись, чтобы уложить Агыль, я с

тревогой смотрела на мать. Вот теперь она была похожа на древнюю старуху. Не знаю, как в молодости, но сейчас ритуал дался ей тяжело, как и тогда, когда она отбила Танияра у Смерти. Освободившись, я поспешила к ней, уже не обращая внимания на мужа и женщину, появившихся рядом с измученной родами матерью.

Подступив к Ашит, я бережно взяла ее за плечи, но шаманка покачала головой, убрала от себя мои руки и тихо произнесла:

– Я должна закончить.

Мне осталось только наблюдать. Шаманка распрямилась, потому что к ней шел Ильд с сыном на руках.

– Ахтыр, – произнес отец, словно представив нам свое дитя.

Ашит снова подняла хот, ударила в него и произнесла несколько слов. После склонилась к Ахтыру и что-то зашептала. Младенец замолчал, будто прислушиваясь к словам шаманки, а когда она отстранилась, чмокнул губками и заснул. А Ашит направилась к Агыль. Я машинально потеряла ноющую руку и тихо фыркнула.

Женщина еще лежала на полу. Моя мать что-то шепнула и ей. Затем подняла фигурку Илсым, и Агыль с явным благоговением прижалась к ней губами, благодаря за помощь. Шаманка бережно собрала статуэтки богов, склонила голову, что-то негромко пробормотав им. А после махнула мне рукой, подзывая.

– Собери, – коротко велела она.

А вскоре мы уже вновь сидели в возке. Мне казалось, что прошло не больше часа с тех пор, как мы приехали, но когда вышли на улицу, там уже не было метели. Лишь легкие снежинки, оседавшие на ровный белоснежный наст, напоминали, что ночь закончилась совсем недавно. Тьму сменил всё более светлеющий сумрак, и усталость после бессонной и тяжелой ночи, наконец, дали себя знать. И всё, чего хотелось сейчас, – это поскорей добраться до дома и упасть ничком на лежанку.

Глава 7

Весна... Я не думала, что она вообще бывает в этом белом холодном мире. Да, знала, что однажды она наступит, но не верила. По насечкам на моем полене, я жила в доме Ашит уже девяносто девять дней, и все это время я слушала завывание метели ночью и скрип снега под ногами днем. И до того свыклась с этими звуками, что в ночь на сотый день открыла глаза и не поняла, что же меня встревожило. А потом догадалась – тишина.

На миг испугавшись, что оглохла, я подошла к окошку и увидела то, чего еще не было ни разу за предыдущие девяносто девять ночей – свет луны. Он серебрил снежный наст, рассыпал белые сияющие искры, и я захотела увидеть это не через окно. Я накинула на плечи шубу и приоткрыла дверь...

– Ох, – сорвалось с моих уст, и больше я не сумела произнести ни слова.

Завороженная красотой этой ночи, я подняла взгляд к небу и увидела там сияние звезд. Кристальная чистота воздуха превратила их в мириады бриллиантов, переливавшихся множеством граней. А после я снова посмотрела на землю и уже не отрывала взора от снежного перелива.

А потом за моей спиной заворчал Уруш. Он протиснулся мимо моих ног и уселся рядом, не спеша сбежать на прогулку. Турым не зазывал меня поиграть, не просил вернуться в

дом, просто сидел и любовался вместе со мной волшебством. Не знаю, сколько прошло времени, я не чувствовала его, но очнуться нас заставил голос шаманки:

– Ашити, вернись в дом. Заболеешь.

– Мама, мне не холодно, – отозвалась я и вдруг поняла, что и вправду мороза больше нет. И я спросила, вновь глядя на россыпь белых искр: – Мама, что это?

Она подошла к нам с турымом, шире открыла дверь и улыбнулась:

– Это весна, дочка.

– Весна, – эхом откликнулась я. – Как же красиво.

– Красиво, – согласилась шаманка, но тут же строго велела: – Вернись в дом, простынешь.

Вздохнув, я послушалась ее, но не смогла лечь. Сна не было. Вместо лежанки, я снова подошла к окну, села на лавку и устремила взгляд на улицу. Не было сил оторваться и забыть о чудесном видении. Оно было подобно тому, что я видела в пещере Белого Духа, но там сияние было холодным, стылым, а сейчас я видела, словно пробуждение жизни. Ее предвестие.

Уруш вновь был рядом со мной. Он запрыгнул на лавку, уселся рядом и тоже глядел на улицу.

– Доброе предзнаменование – встретить первую весеннюю ночь, – произнесла Ашит.

Она подошла ближе и присела рядом со мной и Урушем.

– Больше не будет метелей? – спросила я.

– До следующей зимы не будет, – кивнула шаманка.

– У меня дома бывают метели весной, а зимой оттепель, – сказала я, снова поглядев в окно. О природе в родном мне мире я помнила отлично, в отличие от людей, окружавших меня.

А утром выглянуло солнце. Солнце! Увидев его, я поняла, как нестерпимо соскучилась по яркому свету и теплу. Я прекрасно помнила цветущий сад и солнечные лучи, скользившие сквозь кроны деревьев, покрытые свежей зеленью. Восхитительные цвета! И по ним я тоже соскучилась.

– Всему свое время, Ашити, – сказала мне шаманка, когда я стояла на следующий день посреди вдруг уплотнившегося снега. – Подожди еще немного.

– Иного не остается, – ответила я.

А потом снег начал таять. С каждым днем его становилось всё меньше и меньше, и спустя всего пять дней я увидела сквозь проталины черную землю. И когда Ашит выглянула из дома, я танцевала. Уруш носился вокруг меня, подвывая, а я, подставив лицо солнечным лучам, кружилась рядом с дровяным сараем, умудряясь совмещать движения, которые мне показала шаманка с теми, которые всплыли в памяти из прошлой жизни. Мой танец был дик и прекрасен в своей искренней необузданности. Мать стояла на пороге и с улыбкой наблюдала за моими замысловатыми, но в высшей степени странными коленцами. После я остановилась, раскинула руки и выкрикнула в голубое небо:

Бог наш Верховный, Бог-вседержитель,
Жизни земной ты – первый хранитель!
В вечные веки восславим тебя,
Отец всего сущего, Бог Бытия!

И вдруг застыла, в одно мгновение осознав, что вспомнила песнь совсем из другой религии, и она предназначалась совсем иному богу, имя которого я забыла. На миг задумавшись, я вскоре мотнула головой и улыбнулась, потому что посвятила ее своему Покровителю. Надеюсь, он принял мой маленький дар.

– Что это ты такое говорила, Ашити?

Я обернулась и посмотрела с улыбкой на шаманку, подошедшую ко мне.

– Это было для Него, – ответила я и снова посмотрела на небо. А потом мне пришла в голову мысль, и я спросила: – Мама, а какой бывает Его пещера летом?

– Такой же, как и зимой, – ответила Ашит. – Лед там никогда не тает.

– Наверное, удивительно войти туда посреди цветущего лета, – мечтательно произнесла я. – За спиной зеленая трава и солнце, а впереди искрящийся лед. Мне бы хотелось еще раз побывать там.

– В пещеру нельзя войти, когда захочется, – ответила шаманка. – Он решает, кого впустить, а кто не сможет сделать

и шага. Если на то будет воля Отца, ты войдешь к нему еще раз, а пока Он не ждет ни тебя, ни меня.

– Но Он всё равно с нами, – улыбнулась я.

– Верно, дочка, – с ответной улыбкой кивнула Ашит. – Отец всегда рядом со своими детьми.

А через несколько дней проклюнулась зелень. Я глазам своим не верила, глядя на ровный ковер нежно-зеленой травы, покрывший двор шаманки всего за одну ночь. И солнце грело уже настолько, что я вышла на улицу даже без мехового жилета. Хотела и сапожки снять, но строгая мать погрозила мне пальцем даже раньше, чем я решилась воплотить свою мысль.

– Проклятая связь, – проворчала я, Уруш согласно заскрипел в ответ. Он понимал меня лучше шаманки и поддерживал. Настоящий друг.

– Дети, – хмыкнула Ашит и ушла в дом.

Мы с турымом проводили ее взглядом и поспешили скрыться за домом. Здесь нам никто не грозил пальцем и не следил за тем, что на нас надето. Воспоминание о рыр-хах уже притупилось, они, как и сказала шаманка, больше не приближались к дому. Да и с наступлением весны хищники уходили в места, наполнявшиеся дичью. К тому же теперь я научилась понимать по поведению Уруша, когда есть опасность, а когда нет. А сейчас он деловито перебирал лапами рядом со мной, не спеша убежать – его ничто не настораживало.

– Турым – зверь небольшой, но полезный, – как-то сказала о своем домашнем питомце шаманка, когда я ее спросила, почему она не завела сторожа помощней. – Он в метели не пропадет, след и под снегом почует. Об опасности предупредит, а еще верней его не найдешь. Хороший сторож, другого не надо.

– Уруш лучше всех, – согласилась я, глядя на самодовольную морду нашего турыма.

Так что рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. Жаль, только говорить не умел, иногда мне этого очень не хватало, но слушал всегда с интересом и вниманием. Однако обувь я все-таки снимать не стала, решив послушаться матери. А за домом меня ожидало еще одно открытие. Увидела его не сразу, даже чуть не наступила, но заворчал турым и, опустив взгляд вниз, я охнула и замерла, с восторгом глядя на цветок. После опустилась на колени и тронула нежные лепестки местного первоцвета.

Он был синего цвета с желтой сердцевинкой. Порывшись в памяти, я выудила название наиболее подходящего по внешнему виду цветка – колокольчик. Только этот цветок не опускал стыдливо головку вниз, он смело глядел на яркое солнце.

– Какой красивый, смотри, Уруш, – сказала я и отодвинула любопытную морду турыма, когда он сунул нос к цветку. – Не помни, пусть цветет.

Опустившись еще ниже, я вдохнула едва уловимый чуть

сладковатый запах, мечтательно вздохнула и села на пятки.

– Цветом, как глаза Танияра, – сказала я, продолжая рассматривать свою находку.

– Уа, – заскрипел Уруш.

– Что? – я посмотрела на него и округлила глаза: – Ты о чем? Я просто больше никого здесь не видела... – Турым снова заскрипел, и я отмахнулась: – Да ну тебя. Агыль и ее муж не в счет. Там мне было не до их глаз. Мы, знаешь ли, роды принимали. То еще действо, скажу я тебе. Бр-р. И не спорь со мной. – Я легонько щелкнула его по носу. – Ты, Уруш, животное и ничего не понимаешь. – Он фыркнул, а я повторила: – Не понимаешь.

– Уа, – ответил турым и, встряхнувшись, ушел обратно во двор.

– Тоже мне, поглядите, какой гордый, – хмыкнула я, а затем, бросив последний взгляд на цветок, шепнула: – Точь-в-точь, как глаза Танияра, – и поспешила за Урушем.

Когда я вернулась во двор, Ашит уже сидела на ступенях крыльца, подставив лицо солнечным лучам. Поднявшись к ней, я уселась на ступеньку ниже и умиротворенно вздохнула.

– Как же хорошо, – сказала я, щурясь от яркого света.

– Да, – ответила шаманка. – Хорошо.

Мы некоторое время молчали, но вскоре мне стало скучно просто сидеть в тишине, и я заговорила:

– Мама, за домом расцвел синий цветок. Как он называ-

ется?

– Аймаль, – ответила Ашит. – Скоро их будет много. Сначала один вытянется, за ним второй. Переплетутся, а там и третий поверх полезет. Все стены оплетут. Издалека глянешь, а дом стал синим.

Я улыбнулась, представив себе описанную картину. Красиво...

– Скоро в поселениях праздновать лето начнут, уж совсем оно близко, – продолжила рассказывать Ашит, и я порывисто обернулась к ней.

– Праздник лета? – переспросила я.

– Он, – усмехнулась шаманка. – На большую поляну столы вынесут, кушаньями уставят, хмельной буртан рекой польется. Песни запоют. Мужчины с парнями удалю хвастаться станут. То на кулаках, а то скачки на саулах затеют. Летом на саулах ездят, они быстрее и проворней рохов. Зато зимой лучше роха не найдешь.

– Скачки, – эхом повторила я и зажмурилась от неожиданно яркого образа.

Мне вдруг представилось, что я сижу в седле, и что мой скакун несет меня быстрее ветра. Я услышала, как дробно стучат копыта по дороге, увидела, как взлетает грива в такт стремительному галопу. Скачки...

– Да, скачки, – повторила Ашит. – А еще на саулах в тире играют. Разложат на земле шкуры, а всадники ловкость свою показывают. Кто быстрее на скаку шкуры соберет, тот и мо-

лодец. Много чего там бывает, но это всё днем. А как стемнеет, огонь разожгут. Старики по домам разойдутся, мужья с женами тоже с поляны уйдут. У этих свой праздник продолжится. А те, кто молод еще и без пары, да зелень подросшая танцевать у костра станут. Горячие танцы, сильней буртана пьянят.

– А ты танцевала? – с интересом спросила я.

– А как же, – усмехнулась шаманка. – До того, как в ученики к шаману пошла, успела повеселиться. Бывало за меня и дрались после танцев этих. – Я округлила глаза, а мать проворчала: – Не всегда же старухой была. Я, знаешь ли, красавицей слыла в своем тагане. Многие хвостом ходили, только меня Отец позвал. Всё веселье тогда забыла и к шаману ушла.

– И никогда не жалела? – спросила я с улыбкой.

– Глупая, – Ашит открыла глаза и погладила меня по щеке, – зов Отца – это честь великая. Тот шаман больше силы имеет, кого Белый Дух выбрал. А меня выбрал.

– А как позвал?

– Во сне приснилось, что иду по ледяной тропе, а впереди свет нестерпимый. Я глаза руками закрыла, отвернуться хотела, да имя свое услышала, и сияние будто на двое разделилось. Так я по тропе прошла и среди пещеры ледяной оказалась. Смотрю, а передо мной Белый Дух стоит. Большого тебе знать не надобно. Не каждому дано Отца увидеть, а тебе показался. Вот и думай, какую честь тебе оказали.

– Но меня он не звал...

– Не звал, – кивнула шаманка. – Но меня к тебе на помощь отправил, когда в снегу лежала, а потом позволил войти в пещеру, показался, языком одарил и волосы выбелил. А меня к тебе защитой приставил. Видать, и в тебе какую-то пользу увидел.

– Какую?

– То только Отцу ведомо.

Мы снова замолчали. Ашит продолжала нежиться в солнечных лучах, а я думала об ее словах, и вовсе не о Белом Духе. Тут я названной матери верила – каждой задумке Отца свое время. Но вот другое меня занимало всё сильнее, и вскоре я уже ерзала, снедаемая любопытством.

– Мама, а мы на праздник пойдем?

Она снова посмотрела на меня и отрицательно покачала головой:

– Нет, дочка. Шаманы на такие праздники не ходят. Нам не место за хмельным столом. Меня позовут после, когда придет время урожай заклинать. На обряд пойдем. А праздник без нас пройдет.

И мне стало обидно. Душа просила развлечений, шумного праздника. От однообразия я, признаться, устала. А сейчас, когда природа ожила, игр с Урушем уже не хватало. Хотелось действий, движения, какого-то занятия, но найти себе что-то подобное в доме шаманки было сложно.

– Молодая ты, кровь кипит, – усмехнулась Ашит. – Скуч-

но тебе подле старухи. Понимаю. Но отпустить одну не могу. Рано. Надо больше о людях узнать, своей им стать...

— Да как же я им своей стану, если мы к ним близко не подходим? — возмутилась я. — То я в лихуре сижу, то под кулузом прячусь.

— Всему свое время, — ответила шаманка. — Начнется торговля, тогда и будем в поселения наезжать. Пусть не по слухам, а сами увидят, с кем ты, и кто ты.

— А когда торговля начнется? — снова оживилась я.

Ашит рассмеялась и поддела мой нос согнутым пальцем:

— Скоро.

Я взволнованно вздохнула и прижала ладонь к груди, вдруг ощутив, как забилося сердце. Неужто и вправду к людям выйду? С открытым лицом, с именем, с возможностью говорить? Это было бы замечательно! Хотелось познать их не по рассказам шаманки, а на деле. Посмотреть на уклад своими глазами. Послушать разговоры и окунуться с головой в новый для меня мир. Я желала стать своей. Не диковинкой, а равной среди равных, чтобы наконец распахнуть крылья и найти для себя дорогу.

Быть может, у меня появятся новые знакомства, и я найду тех, кого могла бы назвать добрыми знакомцами, а может, и вовсе друзьями.

— Скорей бы, — прошептала я.

А потом, зажмурившись, я вдруг представила, что в толпе незнакомых лиц я смогу увидеть и того, кого уже знаю.

Было бы недурно встретить его, улыбнуться и сказать... И я распахнула глаза, возмущенная собственной мыслью. Что за новости? Да и что бы я сказала воину, которого не видела с того дня, как он покинул наш дом? Он не объявлялся, продолжать знакомство не спешил, а я раскланиваться стану?

И тут же хмыкнула. Конечно, стану, потому что так велят правила хорошего тона. Мы ведь знакомы. И с чего вдруг это раздражение? Люди приходят, после уходят, и никто не неволит их возвращаться, если им этого не надобно. А не надобно, то и сердиться не на что. Так ведь? Так. Но почему-то всё равно раздражало. Наверное, потому, что говорил о нашей безопасности с матерью, но даже не пришел проверить, как мы прожили конец зимы. Разве же это хорошо? Во-все нехорошо. А еще смотрел... Разумеется, смотрел! Он же расследование вел – откуда я взялась.

Но если это был исследовательский интерес, то к чему мне видеть в нем доброго знакомого? Пациент он и есть пациент. Вот пусть первым и кланяется. Верно? Верно. Стало быть, так тому и быть. И я независимо повела плечами.

– Глянулся, стало быть, Танияр, – усмехнулась за моей спиной Ашит.

– Мама! – возмущенно воскликнула я, спугнув этим Уруша, дремавшего рядом. – Это же мои мысли! Сколько можно подслушивать?

– Так ты думаешь, будто в лесу кричишь, – улыбка шаманки стала шире.

– Никто мне не глянулся, – проворчала я, независимо поведя плечами.

– Ну и правильно, – деловито кивнула Ашит. – Что на них глядеть? Сами пусть глядят.

Обернувшись, я с подозрением взглянула на мать, но она хранила на лице невозмутимость. Однако уже через мгновение я заметила, как дернулся уголок ее рта, и поняла – насмехается. Без издевки, но я насупилась и отвернулась. А через пару минут и вовсе направилась в дом, вдруг утратив легкое расположение духа. Осталось только раздражение.

Я уже взялась за деревянную скобу, служившую ручкой двери, когда Ашит произнесла:

– Танияр подолгу дома не сидит. Брат его по другим таганам гоняет. Опасается.

– Чего опасается?

Я вернулась на прежнее место и с интересом посмотрела на шаманку. Она погладила меня по волосам и снова подняла лицо к небу.

– Архам брата боится. Слабый он. Нехороший человек Архам, не люблю его. Глаза злые, язык, что жало. Танияр другой. В нем сила есть. Честный он, но брата слушается, а тот бы и рад от Танияра избавиться, но не может, потому что ягиры его слушаются. Они его алдаром выбрали, за ним стеной стоят. И пока Танияр брату служит, и они служить будут. Обидит брата Архам, ягиры дом каана сметут, самого к саулам привяжут и порвут без жалости.

Ягирами называли воинов. Алдар – военачальник, которого назначал каан. Но, как говорила Ашит, бывало, что ягиры не принимали ставленника своего правителя и выбирали сами того, кто будет ими командовать. Доверие алдару было выше послушания каану, потому что именно военачальник вел свою рать в бой, от него зависели их жизни, и поэтому воины имели право отказаться от ненадежного с их точки зрения человека. Каану оставалось надеяться на верность алдара. Если послушен он, то послушно и войско.

– Но право на трон... на главенство у Архама, верно? – уточнила я. – Если он наследный каан, то власть его по праву. Почему он боится Танияра, если тот верен брату?

– Когда Вазам пал, совет старейшин принял решение, кто станет кааном, – ответила шаманка. – Меня не призывали. Если есть сомнения, то зовут шамана, чтобы он указал волю Отца и выбрал каана. Но несколько старейшин были в сговоре с матерью Архама, потому выбирали сами, вот Архам и надел чelyк. – Головной убор правителя, вспомнила я. – Старейшины могут выбирать, закон Белого Духа не запрещает, потому я лишь благословила нового каана.

– Подожди, мама, – мотнув головой, прервала я ее. – Ты сказала, что старейшины были в сговоре с матерью Архама. Выходит, Танияр не ее сын? Или нелюбимый сын?

– Не ее, – кивнула шаманка. – Каан может иметь трех жен, если пожелает. У Вазамы было две. Среди жен нет старшей или младшей, они равны. И дети их тоже равны. Мать Арха-

ма прежний каан взял первой. Но она двух дочерей родила, потому Вазам привел в свой дом Эйшен – мать Танияра. Она быстро понесла, а вскоре после нее и Селек тягость ощутила. Танияр родился первым, Архам после него, потому все знали, что быть кааном старшему сыну.

Вазам к Танияру душой тянулся. Он всегда впереди Архама был. Умней, смелей, сильнее. Его отец с собой первым на охоту взял, а когда вернулся, всем зверя убитого сыном показывал. Гордился старшим сыном Вазам. И мать его больше любил. С ней ночи коротал, к ней возвращался. Детей у них больше не было, Танияр единственный. Мальчишку ягиры еще сызмальства полюбили. Учили своим премудростям, тайны мастерства рассказывали. А потом Танияр их испытание прошел, саула дикого поймал и приручил. Кому дикий саул поклонится, перед тем и ягиры голову склонят.

– А Архам?

– Архам завидовал. Отец учил быть брату поддержкой, а мать в уши шептала, что Эйшен с Танияром у них каана забрали. Дурная женщина, и в сыне ее та же кровь. Эйшен ей плохого не сделала, а только Вазам за порог Селек соперницу обижает, гадости делает, и прислужниц тому же подучивает. Эйшен слова о том мужу не говорила, терпела, не жаловалась, потому что детей матери лишать не хотела. Каан бы не стерпел, она это знала. А потом Эйшен умерла. Танияр еще мальчонкой был. Извела ее злыдня Селек.

Сильно Вазам горевал, по любимой жене убивался. Тани-

яра тогда совсем от себя не отпускал, уж больно он на Эйшен похож. После того еще больше к сыну прикипел. Но меня позвал, чтоб дозналась, кто жену погубил. Не поверил он в хворь. Я дух Эйшен пробудила, она на Селек и указала. Та на колени перед мужем, рыдает, ноги Вазаму целует, а он с того дня оглох для первой жены. А меня просил молчать, чтобы промеж сыновей вражды не было, чтобы Танияр за мать мстить не стал.

А потом Селек из поселения увез, на суд Отцу отдал. Есть у них в тагане местечко одно – Каменный лес называется. Каменные столбы, будто деревья стоят, далеко этот «лес» тянется. А там и болота есть, и твари кровожадные, каких ни в одном лесу настоящем не встретишь. Потом тебе о них расскажу. Так вот в этом Каменном лесу суд высший вершится, если каан сам решения принять не может, или же хочет наказать страшней. Туда Вазам жену-погубительницу отвез, там и оставил, а сам решения Белого Духа ждать принялся.

И то ли Отец Селек пожалел, то ли Илгиз убийце помог, но выбралась она из леса. Израненная, в крови, едва живая, а выползла змея. Вазам решение Создателя принял и забрал жену домой. Ее выходили, но муж больше никогда на Селек не взглянул, ни одной жалобы и просьбы не услышал. Она из леса живой выбралась, а для каана умерла. Детей привечал, а жену забыл. И она притихла... пока муж живой был.

А как Вазама мертвым привезли, тут Селек власть и почуяла. В старейшинах дядя ее, а к нему другие прислушива-

ются. Вот и стал ее сын кааном. Если бы не гадина, править бы Танияру. Он и старше, он и сын любимый, он и отцом был выделен, да не успел старый каана нового провозгласить.

– Убийство? – я вскинула голову и посмотрела на мать.

– Кто ж скажет, – она пожала плечами. – Его соседний каан позвал на выручку. Пагчи одолевали, вот в бою и пал. А уж стрела пагчи или подосланный кто сразил, то только Отец знает. Меня не спрашивали, а сама я мертвых трогать не стану. Но ко времени случилось, сыновья уже подросли, окрепли. Танияр с отцом был, как обычно, а Архам за таганом присматривал.

Так потом старейшины и сказали, мол, Танияр отца не защитил, а Архам таган сберег. Он, стало быть, более мудрый правитель. Они уж и алдара назначили – племянника Селек, да тут ягиры встали. Достали ленгены и у ног Танияра сложили. Этот выбор не отменить, не оспорить. Пришлось злыдне с сынком ее смириться. С тех пор Архам старается брата подальше от тагана держать.

И к нам его принесли, после того, как каан послал с кийрамами разобратся, племя рядом с Зелеными землями живет. Видать, надеялся, что брата кийрамы убьют, а ягиры отбили своего алдара, ко мне принесли.

– Разве Танияр этого не понимает? – изумилась я.

– Понимает, дочка, – ответила Ашит. – И ягиры понимают, потому и выбрали алдаром, потому и продолжают беречь. Им иного каана не надо, но против воли старейшин

пойти не могут, и алдара слушают. А он клятву брату дал, что будет верно ему служить, вот и служит. Танияр науку отца чтит. Это Архам – сын злыдни, а Танияр – сын своего отца. Вазам был честным человеком. Суровым, иногда жестоким, но честным и справедливым. Вот алдар и служит лживому и хитрому каану. Да только добром та служба не закончится.

Я встала со ступеньки и спустилась вниз. Турым поднял голову, посмотрел на меня и засеменял следом, но мне сейчас было не до Уруша. Мысли, найдя пищу, закружились вокруг рассказа Ашит. Негодование, взметнувшееся в первые минуты, улеглось. Что в нем толку, если неправое дело уже свершилось? Теперь нужно было искать выход из создавшегося положения. И я, не замечая этого, пошла по кругу, подбирая подбородок.

В голове одна за другой всплывали статьи законов, которые я откуда-то знала. Не отдавая себе отчета, я повторяла в голове их строки, отыскивая лазейку. Однако на третьем круге остановилась и выругалась. Какие статьи?! О чем я вообще думаю?! Это будто я пыталась примерить свое платье на того же Танияра. Ничего из того, о чем я вспомнила, не подходило к данной ситуации по одной простой причине – эти законы принадлежали иным землям и иному государству.

А какие вообще законы в мире Белого Духа? Почему решают старейшины, а не закон о престолонаследии? Ну, хотя

бы потому, что престола тут нет, как такового. Да и Свод законов вряд ли кто-то писал. А старейшины – своего рода законодательный орган власти, вступающий в силу, когда отсутствует глава государства... тагана.

– Отсталые люди, – буркнула я и устыдилась.

Здесь история шла своим чередом и не перешагнула порог существования маленьких разрозненных княжеств. Там, где я жила прежде, цивилизация опутала людей тысячей условностей, навесила на женщин кандалы правил – это я знала и без мучительных воспоминаний. Просто знала и всё. Здесь же у женщин была воля. Они могли без боязни вступать в добрачные отношения, и никто после этого не станет тыкать в них пальцами и позорить. По сути, женщины моего нового дома были равны мужчинам, и после мужа занимали его место, и ягирами тоже становились. И охотились, и дома свои защищали, и старейшинами бывали. Впрочем, зачем далеко ходить? Моя названная мать, к примеру. Перед ней склонялись мужчины, ждали ее совета и одобрения. А могло быть нечто подобное в моем мире?

И я вновь мотнула головой, избавляясь от досужих размышлений.

– Мама, я хочу знать ваши законы, – объявила я, обернувшись к шаманке.

– В каждом тагане они свои, – ответила Ашит. – Объединяют всех заповеди Белого Духа, но люди придумывают и свои собственные законы.

– Тогда я хочу знать законы тагана Зеленых земель.

Шаманка усмехнулась:

– Ты что же думаешь, я людские законы запоминаю? Знаю кое-что, конечно, но не много. Я – шаман, Ашити, и заповеди Отца знаю, как никто в таганах. Ему одному служу и поклоняюсь. Его одного слушаю. Людская жизнь остается за пределами священных земель, я в нее не вмешиваюсь. Белый Дух велит не мешать его детям, сами ошибки делают, сами исправляют.

– А если ошибки фатальны... – шаманка вопросительно приподняла брови, не поняв последнего слова, и я исправилась: – Если эти ошибки уже невозможно исправить? Если они ведут к гибели?

– Значит, на них научатся живые, – отчеканила Ашит. – Отец мудр. Он не может жить за своих детей, Он их создал, научил своим заповедям и позволил жить по их разумению. Насколько ума хватает, так и существуют. Иного не дано. И я тебя отпущу, как будешь готова. Свои ошибки сделаешь, сама на них научишься, я лишь могу подсказать и направить, но жить тебе.

Я открыла рот, собираясь ответить, но тут же его закрыла и согласно кивнула. Всё верно. Родители дают ребенку жизнь, поддерживают его, пока не окрепнет, а дальше дитя идет уже своей дорогой. Такова судьба каждого.

– Но есть какие-то книги, где прописаны законы? – все-таки не сдалась я. – И если есть, то можно ли их прочесть?

У вас есть письменность?

Шаманка коротко вздохнула и поднялась на ноги. Так ничего и не сказав, она скрылась в доме. Я всплеснула руками и возмутилась такому ответу на мои вопросы, уже собралась идти за ней и не отступать, пока не услышу однозначное «да» или «нет», когда дверь снова открылась, и Ашит вышла, держа в руках небольшой сундучок. Его я раньше не видела, может, потому, что не задавала подобных вопросов. Мы вообще почему-то раньше не обсуждали наличие письменности, и уж тем более, законодательства. Мать рассказывала, я слушала. Иногда она рисовала на полу куском угля узоры с одежд, чтобы объяснить их разницу. Наверное, потому я и не задавалась вопросом об умении писать. Ни чернил, ни грифеля шаманка не доставала ни разу и, конечно, никому и ничего не писала. И потому сейчас я ощутила жгучее любопытство.

Ашит уселась на свою ступеньку, поставила сундучок себе на колени и открыла крышку. Я успела приблизить к ней, потому нос внутрь сунула и увидела несколько серых свитков. Значит, письменность все-таки есть. Хорошо. Тем временем шаманка накрыла мой лоб ладонью и легонько оттолкнула.

– Не мешай, – строго велела она.

Я вздохнула и, протиснувшись мимо матери, встала за ее спиной. Так я видела и содержимое сундука, и то, что шаманка собиралась мне показать. Она перебрала свитки и достала один из них. Я переминалась с ноги на ногу от нетерпе-

ния. Хотелось отнять свиток и поскорей увидеть, что скрыто в нем, но Ашит, будто сознательно доводя меня до исступления, неспешно огладила рукой материал, из которого был сделан рулончик с письменами... по крайней мере, я очень надеялась, что именно с ними.

– Мама! – не выдержав, воскликнула я.

– Терпение дано людям не зря, Ашити, – наставительно ответила шаманка. – Закаленный дух вытерпит любые невзгоды. Слабый – погубит себя поспешностью. Крепись, дочка.

– Давай посмотрим свиток, а потом я буду тверда, как камень, – заверила я мать, и Ашит хмыкнула.

Наконец, она стянула кольцо кожи, державшее свиток скрученным, и он развернулся. Только в этот момент я поняла, что не дышала с момента, когда шаманка взялась за кольцо. Испытав внутренний трепет, я устремила взгляд на начертанные знаки и... перевела его на Ашит.

– Что это, мама? Буквы? Это больше похоже на птиц и животных...

– Это ирэ, – важно кивнула шаманка. – Знаки, которыми пишут послания. Из ирэ складывается то, что мы хотим рассказать друг другу. Они бывают угрожающими, веселыми, добрыми, злыми – всякими. Если хочешь, я покажу тебе, как правильно складывать ирэ.

– Хочу, – кивнула я. – Научи.

– Хорошо, – улыбнулась Ашит и выудила табличку, ле-

жавшую под свитками.

Вместе с табличкой она достала кусок мела и начала урок. Я следила за тем, как шаманка выводит свои ирэ, слушала ее, но слова пролетали мимо моего слуха, потому что в моей голове остался еще один вопрос, который я так и не решилась задать. И чем больше времени проходило, тем меньше я понимала, что мне объясняет мать.

– У Танияра нет жены, – не глядя на меня, произнесла шаманка. – И никогда не было.

– Правда? – оживилась я и ощутила, как краска смущения заливает мне щеки.

– Была невеста, – сказала Ашит, продолжив отвечать на невысказанный вопрос. – Теперь она жена Архама. Пока Танияра не было, Архам ввел ее в свой дом второй женой.

– Как же она согласилась? – изумилась я. – Или насильно?

– Насильно нельзя, – ответила мать. – Никто не возьмет женщину, пока она не покажет согласия. Если только побо-
ялась отказать каану, а может и потому, что каан.

– Он... любил ее? – спросила я. – А не женился, потому что забыть не может?

– У него спроси, когда увидишь, а мне дела нет, как в душу Танияра лезть, – проворчала Ашит. – Я одна, их много, и у каждого свои беды и радости. Мне этот груз не нужен. Будешь ирэ учить?

– Буду, – кивнула я и устроилась рядом.

Глава 8

Ирэ... Благословен тот, кто придумал буквы! Хвала тебе, человек, просветленный Богами! И пусть Илгиз терзает в своем каменном царстве того, что создал ирэ. Это же просто невыносимо! Нет, правда. На первый взгляд мне казалось, что я быстро освою эту письменность, но стоило с некой толикой превосходства и высокомерия приступить к письму, как я уже схватила за голову и была готова в ярости растоптать проклятую доску!

Символов было не так много, всего двадцать, но! Их смысл слагался не из совокупности написанных в слове знаков, а их местоположения. И не дай Белый Дух ошибиться и перепутать! Вот к примеру. Одну ирэ я прозвала медведем. Нет, она не была похожа на животное... ну, если только схематически. Три жирные черты, одна из которых являлась верхней перекладиной, а из нее росли две ноги (если смотреть на медведя сбоку). Так вот в этом символе не было ничего примечательного, пока рядом не вставал «аист» – очередное название, данное мной. Сам символ имел вид вертикальной черточки, чуть ниже вершины которой расходились еще две короткие черточки, склоненные внешними концами вниз – будто аист на одной ноге распахнул крылья. Попросту мне было так легче запомнить написание.

Так вот. Сочетание этих двух символов было строго про-

тивоположным, в зависимости от местоположения «аиста». Если он стоял за «медведем», то это было приглашением в гости. Если перед ним, то объявление войны. Вот и представьте, если вы вдруг забылись и поставили «аиста» не на то место. Написали и отправили в соседний таган. Легли спать в предвкушении большого праздника, а поутру выглянули в окно, а там войско мечами щетиниться. Вроде и пожаловали, но совсем не в гости и горят жаждой насадить на вертел вас самого. И так в каждой комбинации, а их составить можно было невероятное множество!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.